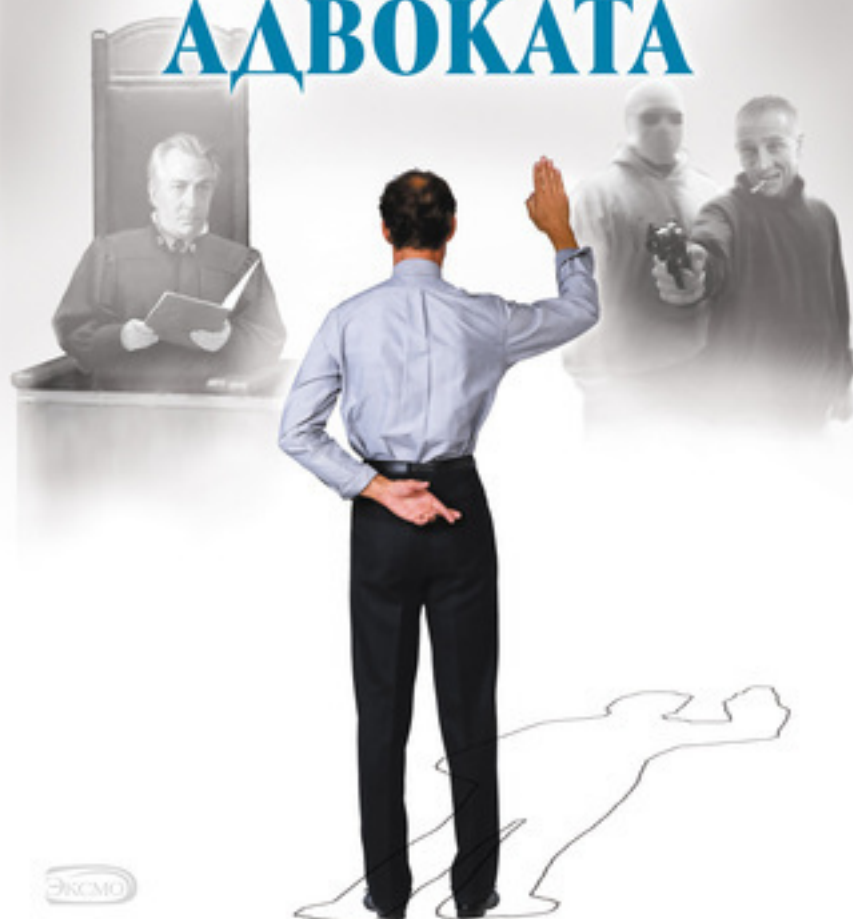


АДВОКАТСКОЕ БЮРО

Валерий КАРЫШЕВ
& партнеры

ЗАПИСКИ БАНДИТСКОГО АДВОКАТА



Адвокатский роман

Валерий Карышев

Записки бандитского адвоката

«ЭКСМО»

1998

Карышев В. М.

Записки бандитского адвоката / В. М. Карышев — «Эксмо»,
1998 — (Адвокатский роман)

ISBN 978-5-699-28189-3

Пройти по тонкой грани – вот искусство адвоката. С одной стороны – преступники, готовые на все, чтобы избежать кары. С другой – сотрудники карательных органов. Обе стороны ненавидят друг друга. Адвокат – между ними... Валерий Карышев, известный адвокат, рассказывает о сложностях и опасностях своей профессии. Его клиентами были самые разные люди – от легендарного киллера Солоника до безвестной женщины-врача, попавшей в сложную передрыгу. Ему угрожала братва, за ним следила ФСБ, не раз его жизнь висела на волоске. Хитроумные ловушки, жесткий прессинг, прямой шантаж ждут адвоката на его тернистом пути. И лишь путеводная звезда закона помогает ему уверенно проложить маршрут меж двух огней...

ISBN 978-5-699-28189-3

© Карышев В. М., 1998

© Эксмо, 1998

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	9
В духе «Московского эксперимента»	11
Эффект убийства Листьева, или конфискация креста	12
В итоге – отставка	15
Встреча в банке	16
Рэкетирское прошлое Лени К.	17
Выколачивание долгов	19
Взлет банковского дела	21
Как братва в Москву съезжалась	23
Глава третья	25
Как же их теперь называть?	25
Структура	27
Киллеры и «чистильщики»	28
Боевики	29
Формы поощрения	31
Место встреч	32
Стрелки	33
Оружие	34
Ксива	35
Глава четвертая	36
Таинственная аура	36
«Какого негодяя и подлеца вы защищаете!..»	38
Первая встреча с Солоником	41
Солоник говорил...	45
Живая мишень	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Валерий Карышев

Записки бандитского адвоката

Пролог

Москва, октябрь 1996

Это был мой обычный рабочий день. Утром слушание очередного уголовного дела. Потом – обед, а после окончания судебного заседания я решил съездить в следственный изолятор – «Матросская тишина» – к своему новому клиенту, Кириллу.

Свидание с ним прошло быстро, а когда я уже собирался уходить, Кирилл тихо сказал:

– Не могли бы вы встретиться с моими компаньонами Олегом и Василием и передать им, что я здесь на киче, а бумаги по бизнесу я успел передать брату? Они все поймут. И еще – пусть будут осторожны, ими опера сильно интересуются. И сами будьте начеку, за вами могут следить.

– Да ладно, за мной столько было хвостов, наружку легко вычислю, – ответил я.

Выйдя из СИЗО, я сел в свою машину. Проехав несколько метров, резко развернулся и поехал в обратную сторону, внимательно посматривая в зеркало заднего вида.

Все было спокойно. В этот момент у меня зазвонил мобильник.

– Здравствуйте. Это Олег. Вы были у нашего друга?

– Да, – ответил я. – Только что.

– Может, сейчас встретимся на старом месте?

– Нет. Сейчас не могу. Нужно заехать в офис. Давайте через два часа на новом месте, под глобусом.

– Можно и там. Будем ждать, – сказал Олег и отключился.

Встреча должна была состояться в одном из кафе, находящемся в районе Нового Арбата. Подъехав к кафе, я сразу понял, что друзья моего клиента меня уже ждут. Перед входом на тротуаре стояло несколько иномарок, около них находилось несколько парней крепкого телосложения с рациями. Я вошел в зал. Он был пуст, и только за одним столиком сидели два парня. Это были Олег и Василий. На столике у них стояли две портативные рации. «Молодцы, берегут себя», – подумал я.

Мы сделали заказ, и я стал рассказывать о нашей встрече с клиентом.

Впоследствии я узнал, что Кирилл – коммерсант, который работал на деньгах Олега и Василия. А сами Олег и Василий – лидеры двух разных группировок, решившие совместно провести одну коммерческую операцию.

Когда обед был закончен, все вопросы решены и мы хотели было уходить, заработала одна из раций:

– Олег, здесь какая-то непонятка. То ли менты, то ли братва подтянулась. Чего нам делать?

– Так кто конкретно?

– Вроде не менты.

– Тогда стойте, где стоите. Пусть двое наших в зал к нам подойдут. Только пустыми. Понял?

– Понял. Уже идем.

Через несколько минут в пустой зал неожиданно вошли четверо или пятеро коротко стриженных здоровых ребят. Увидев моих клиентов, они радостно замахали руками: привет, братва! Все направились к нашему столику. Увидев мой встревоженный взгляд, Олег сказал:

– Это казанцы. Они с нами в дружбе.

Неожиданно вслед за казанцами быстро вошли несколько человек в гражданской одежде, с пистолетами в руках и приказали:

– Братва, стоять! Это РУОП!

Знакомых моих выстроили вдоль стены, заставив встать, подняв руки и широко расставив ноги.

Сотрудники РУОПа стали их обыскивать, а двое направились к нашему столику.

– Слушай, что делать? Я в розыске, – сказал мне Олег.

У меня возникло ощущение страха. Во-первых, место нашей встречи выбрал я. Кроме того, могло возникнуть подозрение, что я просто сдал своих клиентов.

Подойдя к нам, один из сотрудников РУОПа попросил предъявить документы. Олег достал права со своей фотографией, Василий – именной пропуск в модный ночной клуб.

Руоповец молча взял документы и стал рассматривать их, всем видом давая понять, что это не документы. Тогда я достал свое адвокатское удостоверение и уверенным голосом сказал:

– Эти люди со мной! Они мои клиенты.

– Все понятно, нет проблем, – сказал оперативный работник. – Можете быть свободны.

Мы быстро покинули зал. Мои клиенты явно были рады. Я поинтересовался:

– Это за вами?

– Да нет. Скорее всего, это казанских отслеживали. Мы завтра позвоним, узнаем, как у них дела, – сказал Олег.

– Вот видите, как получилось! – произнес я. – Я очень боялся, что вас задержат и что вы можете подумать на меня...

– Да что вы! Мы вам доверяем! Напротив, мы вас с удовольствием возили бы с собой на подобные встречи, раз ваше магическое удостоверение так действует на них!

– Нет, такие встречи мне больше не нужны! – отшутился я. – С меня и одной хватит!

Но зарекаться было рано.

В январе 1997 года Василия расстреляют в ста метрах от Петровки по приказу Олега. Сам Олег сможет избежать ареста и скрыться за границей, но позже его депортируют в Россию и поместят в следственный изолятор, где он будет убит сокамерниками. Мне же придется пережить слежки, обыск и несколько допросов. Но это все позже...

Глава первая

«Публику я защищал лихую»

— ...Вы давно у нас «под колпаком», и ваши телефонные переговоры и встречи мы контролируем. Есть видеозаписи, которые свидетельствуют о ваших связях с организованной преступностью...

Вот так-то, ни более ни менее. И услышал я такой себе «приговор» от руоповца во время моего первого и, к сожалению, не последнего допроса в сером здании на Шаболовке.

— Надеюсь, вы не станете отрицать этого факта? — продолжил следователь.

— Да, я в самом деле связан с организованной преступностью. — И я выдержал паузу, вглядываясь в следователя и оперативников, присутствовавших в кабинете. — Да, связан настолько же, насколько и вы, такая уж у нас с вами профессия...

— Нечего нам голову морочить, каждый оперативник знает, что вы числитесь в «черных списках» всех наших спецслужб как «бандитский адвокат»...

После нескольких часов профилактической беседы с руоповцами я сделал для себя любопытное открытие: по мнению правоохранительных органов, я, оказывается, «бандитский адвокат», обслуживающий киллеров и рэкетиоров.

Спустя некоторое время я уточнил у знакомого фээсбэшника, что у спецслужб, ведущих борьбу с организованной преступностью, действительно имеется «черный список» адвокатов, защищающих лидеров криминального мира. Список небольшой, всего 12—14 имен, а моей скромной персоне отводилось место аж в первых рядах.

Да что там сотрудники органов, люди гражданские тоже всякий раз спрашивают: как же вы можете защищать заведомых негодяев? И всякий раз если и не отвечаешь, то невольно думаешь: ну почему никто не спрашивает врача-проктолога, как он может каждый день заглядывать в десятки человеческих задниц? Да, публику я защищал лихую. Но почему так огульно — негодяев, да еще заведомых? А почему не просто людей, оступившихся и оказавшихся на скамье подсудимых и, по сути, ничем не отличающихся от других? Во всяком случае, для нас, для адвокатов. Обвиняемый оказывается одинок перед обществом, государством, законом — и особенно остро нуждается в поддержке и защите, независимо от того, как и чем он провинился. Адвокат не только по роду своей службы, но и как человек, пожалуй, становится для него единственной опорой, той самой соломинкой... Напрашивается еще одно сравнение. Священник ведь готов выслушать любую исповедь, любое раскаяние и независимо от степени прегрешения помочь человеку облегчить душу.

Конечно, опасна адвокатская наша профессия. И подспудно, и осознанно постоянно чувствуешь, что находишься на границе между государством и криминалитетом. И не слишком комфортно жить между этими баррикадами, придерживаясь и буквы закона, и выполняя своего рода гуманитарную миссию. При этом всегда помнишь, что надо соблюдать равновесие.

Так что же в таком случае подтолкнуло меня «расколоться» да написать свои современные мемуары?

Моих подзащитных правоохранительные органы, а с их подачи и вы, дорогие читатели, причисляете к ворам в законе, авторитетам, боевикам, рэкетирам, то есть к представителям так называемой организованной преступности. Статей, книг, фильмов о них более чем достаточно. Однако жизнь и деяния их, как мне кажется, высвечены несколько однобоко и отстраненно, недостает хотя бы чуточку иного взгляда, а голосов или хотя бы отголосков «оттуда», с другой стороны баррикад, почти не слышно. Каковы же реалии, нормы, понятия, законы, по которым живет преступный мир? Ведь с образом так называемых мафиози ассоциируются не только

«Мерседесы», виллы, фотомодели, казино и рестораны, но и СИЗО, контрольный выстрел в затылок, короткая жизнь, которую они сами выбирают...

Нет, я не задаюсь целью ни оправдать, ни возвести в герои братву. Но хотим мы того или нет, она существует рядом с нами. И отрешиваться от нее или даже только охаивать, пожалуй, бессмысленно. Узнать же чуть больше о тех, кто, переступив черту, оказался вне закона, по моему, значит в какой-то мере самим разобраться и в реалиях нашей с вами действительности, а может, и в собственной жизни.

Как-то в Бутырке я подарил одному из моих клиентов книгу Николая Модестова «Москва бандитская». Вскоре ею заинтересовались и другие мои подзащитные, и я невольно стал участником своеобразной «читательской конференции» в стенах СИЗО – ее обсуждали те, о ком она была написана. Там же, в Бутырке, один из клиентов, известный вор в законе, во время нашей встречи «просвещал» меня своими размышлениями о преступности, ее роли в обществе и государстве. Признаться, я ловил себя на том, что в его откровениях для меня было немало открытий. Неожиданно к концу беседы законник сказал:

– А ты возьми и напиши про нашу жизнь без прикрас, о том, какая она непростая, опасная, как нам несладко приходится. Пусть «изнутри» о нас узнают...

Подобные диспуты и постоянное общение с представителями преступного мира спровоцировали меня на то, чтобы сесть за книгу и рассказать о современной криминальной жизни. Разумеется, так, как вижу ее я, глядя с собственной колокольни адвокатской практики.

Сразу оговорюсь и внесу некоторые юридические коррективы. Я оказывал правовую помощь группировкам и их представителям, но если в ходе расследования конкретного дела и решением суда они не признавались виновными, то я не вправе относить их к организованным преступным группировкам. Поэтому буду называть их московскими группировками.

И еще одно уточнение. Когда адвокат приступает к работе с людьми, принадлежащими к той или иной группировке, то никогда клиент не является к нему с заявлением о своем «статусе», дескать, я такой-то авторитет, занимаю такое-то положение в своей бандитской иерархии, у меня такой-то список преступлений и прочее. К адвокату обращаются, рассчитывая на его помощь по какому-то конкретному делу. Общего посвящения адвоката в так называемую криминальную политику с их слов не происходит. Разумеется, в процессе работы с клиентами я получаю о них дополнительную информацию из материалов уголовного дела, из всевозможных справок, предоставляемых правоохранительными органами, из источников в той среде, с которой клиенты контактируют. Сведения эти, как правило, появляются уже позже, причем большей частью известны с чужих слов, не проверены, одним словом, не могут служить основанием для использования их следственными и судебными органами.

Глава вторая

Криминальный бизнес, или организованная преступность, – еще одна власть?

В России действуют сегодня четыре власти: законодательная, судебная, исполнительная и информационная. Но многие поговаривают, что в начале и середине 90-х функционировала еще и пятая власть – криминальная. Она, по мнению специалистов, занимает отнюдь не последнее, пятое, место, а может, и промежуточное: между первой и второй. На самом деле организованная преступность существует во многих странах мира, и наше государство не исключение. Более того, наша страна переживала тяжелый период становления нового государства, в процессе которого дали о себе знать старые и вновь появившиеся «червоточины» общества.

В конце 1997 года тогдашний министр МВД РФ Анатолий Куликов направил президенту России закрытое письмо об организованной преступности. Оно носило пессимистический характер. В частности, по словам министра, МВД располагает данными о 16 тысячах преступных организаций, а также о 60 тысячах лиц, которые с ними тесно связаны. Однако представители правоохранительных органов часто говорят, что им все хорошо известно об организованных преступных сообществах. Они знают их количественный состав, ведут специальную поименную картотеку с фотографиями, обладают информацией о виде деятельности той или иной группировки, об их подшефных коммерческих структурах. Однако ликвидировать эти сообщества они не могут, ссылаясь на отсутствие необходимой законодательной базы. Таким образом, напрашивается вывод: в стране правоохранительные органы не борются с преступными сообществами, а занимаются лишь наблюдением за их деятельностью.

В повседневности понятие организованной преступности ассоциируется с действующей бандой молодых, коротко стриженных ребят, увешанных золотыми цепями, то есть с деятельностью рэкетиоров. Но не так часто услышишь о том, что существует так называемая организованная преступность белых воротничков. Недавно, по данным Центрального разведывательного управления, стало известно, что в России более 10 крупнейших банков занимаются преступной деятельностью, а в теневой экономике производится от 30 до 40 процентов валового национального продукта.

Так сказать, на бумаге, в законодательном порядке борьба с организованной преступностью была сформулирована в знаменитом президентском Указе от 14 июня 1994 года. Указ по борьбе с организованной преступностью давал широкие возможности работникам милиции: в частности, право задерживать на 30 суток подозреваемых в совершении преступлений без предъявления им обвинения. Это, по крайней мере, противоречило принципу «презумпции невиновности», не говоря уже о том, что наши законодатели не удосужились разобраться в определениях и терминах. Или хотя бы в том, что такое организованная преступность. И пока года три действовал этот пресловутый указ, впоследствии, конечно, отмененный, люди пережили немало тяжелых, тревожных дней...

Преступный мир чутко реагирует на изменения в политике и тактике государственной борьбы с ним. Помнится, летом 1996 года криминальный мир буквально испытал шок, когда на всю страну был брошен знаменитый клич: «Бойтесь!» Вскоре после президентских выборов в июле 1996 года отставной генерал Александр Лебедь, широко известный своей молдавской эпопеей, был неожиданно назначен секретарем Совета Безопасности с широчайшими полномочиями. Помимо основной деятельности, которая сводилась к урегулированию чеченского конфликта, Лебедь неожиданно для всех стал заниматься борьбой с организованной преступностью.

В то время генерал Лебедь стал часто встречаться с другим генералом – Владимиром Рушайло, тогдашним начальником Московского РУОПа. Впоследствии Лебедь, давая очередные интервью, не раз говорил о том, что в течение короткого времени он может полностью ликвидировать преступность, для начала в Москве. И как гром среди ясного неба подписывается указ, в дополнение к уже существующему, – о борьбе с организованной преступностью в Москве и Московской области. На самом деле, как потом ходили слухи, лебедевский указ являлся лишь основной базой для специального комплекса жестких профилактических мер, условно названного «Московским экспериментом» и проводимого в Москве и Московской области во время борьбы с организованной преступностью. Естественно, об этом узнали представители братвы, и очень многие мои клиенты стали названивать мне, предлагая встретиться и обсудить указ Лебеда: неужели может заработать мясорубка репрессий, перемалывая всех подряд без разбора? Может быть, спрашивали они, лучше пока уехать из страны? (Кстати, многие уголовные авторитеты тогда поспешно выехали за бугор.) Практически всех охватил страх, замешательство и нерешительность. Мне ничего не оставалось, как по просьбе клиентов ознакомиться с текстом указа.

Благодаря знакомым в Государственной Думе РФ через несколько дней указ был у меня на столе. Ничего особенно нового в нем не было, но я знал о существовании специального, закрытого секретного приложения к указу, в котором, очевидно, и расшифровывалась его суть. В чем она заключалась, теперь уже трудно говорить, но случай, который произошел с моими клиентами, в какой-то мере, наверное, сможет проиллюстрировать этот документ:

В духе «Московского эксперимента»

Однажды задержали двух моих клиентов. Сразу же после задержания их вывезли в пригородный район Москвы. Спецназовцы достали из своих машин лопаты и заставили клиентов рыть ямы. Когда парни спросили, а, собственно, для чего это нужно копать, спецназовцы ответили: «Ясное дело, для могил, мы вас сейчас расстреливать будем». Затем потребовали подписать чистосердечное признание в их принадлежности к одному из бандитских формирований Москвы. В случае же отказа, пообещали спецназовцы, их расстреляют, закопают и спишут все на мафиозную разборку.

Парней подвели к ямам, спецназовцы передернули затворы, и раздались выстрелы. Но патроны были холостые. Однако можно представить состояние задержанных после такого эксперимента!

Конечно, никаких доказательств проведенной акции нет. Вероятно, работники милиции отрицали бы свою причастность к ней. Но возникает вопрос: зачем было моим клиентам придумывать эту историю?

Спустя некоторое время я тоже попал в число жертв «эксперимента».

Через два месяца один из московских бизнесменов пригласил меня на день рождения, который проходил в фешенебельном московском ресторане. В отдельном банкетном зале собралось человек 50—60. В основном – бизнесмены, но не исключено, что и представители их «крыш».

Праздник проходил весело, гости все прибывали. Вошел мужчина в обыкновенном сером костюме. Лицо его показалось мне очень знакомым. Я спросил у бизнесмена:

– Кто это?

– Ну как же! Вы должны его знать. Сотрудник одного из московских изоляторов.

Да, я не раз его видел, только в военной форме.

Замелькали и другие знакомые мне люди. Все входили шумно, с подарками, желали всяких благ юбиляру.

В разгар вечера двери ресторана резко распахнулись, и в зал вошли человек 10—12.

– Всем оставаться на местах! РУОП!

Естественно, за столами мгновенно воцарилась тишина. Сразу несколько сотрудников отвели мужчин и женщин к стене, стали проверять документы и проводить личный досмотр. Ни у кого ничего не нашли. Забрали только одного человека, который находился в розыске. Для всех остальных эта процедура завершилась благополучно.

Через несколько дней я узнал, что у другого моего знакомого бизнесмена, который открыл пиццерию и по такому случаю собрал шумную компанию бизнесменов, тоже побывал РУОП. Положили всех на пол, обыскали и покинули помещение. Слава богу, при этом никто не пострадал, никого не забрали, ничего не разрушили, ничего не украли. Хотя бывали, конечно, и другие финалы.

Эффект убийства Листьева, или конфискация креста

Надо сказать, что бурный подъем и крупномасштабные операции в борьбе с криминальным миром имели место еще до начала «Московского эксперимента». Волна арестов, шмонов, задержаний, обысков в казино, ночных клубах, проверок машин на трассах прошла весной 1995 года, когда в подъезде своего дома был убит известный тележурналист Владислав Листьев. В свое время это была довольно широкая кампания. Расследованием убийства занималась специальная бригада. Для профилактики мэр Москвы распорядился закрыть многие казино. А перед закрытием в Москву для наведения порядка были вызваны подразделения ОМОНа из разных городов. Чуть ли не триста человек признались в убийстве. По первоначальной версии основными подозреваемыми в убийстве Листьева были представители солнцевской группировки.

Впоследствии версия эта провалилась. Основанием для нее послужила оперативная информация о сходняке солнцевских авторитетов, на котором обсуждали вопросы, связанные с рекламным телевизионным бизнесом на ОРТ. Кроме того, стало известно, что один из телохранителей Сергея Михайлова (Михася), которого правоохранительные органы считали лидером солнцевской ОПГ, дал показания на своего шефа по поводу причастности его к некоторым преступлениям, в том числе и к убийству Листьева.

В конце августа 1995 года против солнцевских проводилась операция под условным названием «Закат», в которой участвовали ведущие подразделения РУОПа, МУРа, ГУОПа, ОМОНа.

Было задействовано 500 милиционеров. Задержано 23 солнцевских боевика. Но это была капля в море, потому что, как я впоследствии узнал, произошла утечка информации, и большинство членов солнцевской группировки были предупреждены о готовящейся операции и заблаговременно покинули квартиры и офисы. Тем не менее операция «Закат» для многих все же была внезапной.

Мои клиенты рассказывали мне немало подробностей о тех днях, когда после убийства Листьева в Москве выполнялись профилактические действия: омоновцы врываются в помещения, клали всех на пол, избивали, срывали золотые украшения, часы. Так, однажды ко мне в консультацию приехал Сергей Ч. По рекомендации моих клиентов он обратился ко мне за помощью.

Сергей Ч. с друзьями ехал на своем джипе. Неожиданно их подрезал милицейский внедорожник, и из него выскочили пятеро или шестеро человек в камуфляжной форме, в масках, с автоматами.

– Не говоря ни слова, они вытащили нас из машины, – вспоминал Сергей Ч., – заставили сначала упереться руками в капот, затем расставить широко ноги, а после этого просто положили в грязь и стали избивать. Устроили шмон в машине. У нас там ничего не было, хотя омоновцы вполне могли подложить нам оружие или наркотики. Но, видно, они преследовали совсем другую цель. Наспех избили нас, обыскали, естественно, у них не было на это никаких санкций, изъяли крупные суммы денег, у многих сняли часы. У меня тоже взяли золотые часы «Картье» стоимостью двадцать тысяч долларов. Но самое главное, с меня сняли золотой крест – подарок близкого друга.

И Сергей очень просил меня найти этот ОМОН или СОБР и вернуть хотя бы крест.

Через несколько дней мне удалось с помощью моих знакомых узнать, что в тот день на Ленинском проспекте дежурили рязанские омоновцы. Они находились на специальной базе московского СОБРа, что в Большом Каретном переулке.

Мы с Сергеем отправились туда. Надо сказать, что Сергей был человеком не робкого десятка, но, направляясь со мной на базу СОБРа, чувствовал себя не особо уверенно.

Мы остановились и стали наблюдать. Вскоре к нам подошли три здоровых бойца в камуфляжной форме и поинтересовались, что мы тут делаем и что нам надо.

– А в чем, собственно, проблемы? – спросили мы.

– Тут территория режимной организации. Предъявите свои документы.

Мое адвокатское удостоверение, по всей видимости, подействовало, и представители ОМОНа сменили тон.

Я спросил, как мне повидаться с их руководством. Они провели меня к своему начальнику, рослому майору в камуфляжной форме. Я представился и изложил суть дела. Милицкий майор сделал удивленные глаза.

– Во-первых, откуда вы знаете, что именно наши ребята сорвали с него крест? А во-вторых, может, ваш подзащитный придумал эту версию?

– Видите ли, – ответил я, – мой подзащитный хорошо рассмотрел нашивки рязанского ОМОНа у одного из бойцов. А придумывать, что у него отняли золотой крест, и совершенно безосновательно обвинять работников милиции ему нет никакого смысла.

– Хорошо, я постараюсь выяснить, – сказал майор. – Опознание проводить мы не имеем права, поскольку все работники СОБРа являются засекреченными сотрудниками. Наверное, оснований к возбуждению уголовного дела нет.

– Да, конечно, – ответил я, – пока мы не хотели бы возбуждать уголовного дела. Думаю, что вопрос можно решить мирным способом.

– Конечно. Если вещи действительно отобрали, то мы найдем все, вернем и накажем провинившегося сотрудника. Дайте описание креста.

Сергей взял лист бумаги и стал подробно записывать основные приметы золотого креста. Я оставил свой телефон, и мы благополучно покинули здание СОБРа.

Особой надежды на успех нашей миссии у нас не было. Мы думали, что, скорее всего, майор подготовит какую-либо бумагу, указывающую, что наши требования совершенно безосновательны.

Через три-четыре дня раздался телефонный звонок и представившийся мне майор милиции попросил приехать в СОБР.

Дорога к Большому Каретному переулку была нелегкой, Сергей волновался и то и дело спрашивал:

– А вдруг нас сейчас закроют? А вдруг спровоцируют? Вдруг что-то подложат или просто побьют?

Я всячески старался его успокоить:

– Не бойся, я же твой адвокат, у нас имеются соответствующие документы. Не думаю, что они на это пойдут.

– А мы могли бы на всякий случай как-то подстраховаться?

– Конечно.

Я набрал номер своей консультации и сообщил дежурному адвокату, что еду сейчас в штаб-квартиру СОБРа в Большом Каретном переулке на встречу с майором имярек. А также попросил принять соответствующие меры, если я в течение часа не перезвоню. Это немного успокоило Сергея Ч.

Мы въехали во двор СОБРа. Небольшой трехэтажный особнячок был окружен со всех сторон вырытыми канавами, видимо, прокладывались какие-то коммуникации. Я удивился: как же так – СОБР, который должен быстро реагировать, моментально выезжать, лишен, выходит, этой возможности. Но такова, видимо, наша неискоренимая русская бесхозяйственность.

Мы вошли в кабинет. Майор, улыбаясь, протянул нам небольшой пакет. Раскрыв его, мы увидели массивный золотой крест.

– Вот видите, мы свое слово сдержали. Что касается часов, то, к сожалению, ничего не получилось. Наш сотрудник категорически отрицает, что брал часы.

– Да ладно, нет базара! – сказал мой клиент. Он взял крест в руки, и широкая улыбка появилась на его лице. – Хорошо, что все обошлось, – сказал Сергей, когда мы покидали особняк. – Понимаешь, это для меня как талисман. – Он обратился ко мне на «ты».

В итоге – отставка

Прошло время, и многих потрясла еще одна неожиданная новость. Основные борцы с организованной преступностью генерал Лебедь и генерал Рушайло были отправлены в отставку. Лебедю были предъявлены претензии в создании незаконного формирования. В последнее время генерал Лебедь действительно настойчиво пропагандировал свои формы борьбы с организованной преступностью, много говорил о необходимости создания специального воинского подразделения, состоящего из бывших работников КГБ, МВД, не связанных с коррупцией. Подразделение условно должно было называться «Русский легион», в состав которого входило бы около пятидесяти тысяч человек. Не знаю, по каким причинам, но тут же последовала реакция тогдашнего министра внутренних дел Анатолия Куликова, который обвинил Александра Лебеда в попытке узурпировать власть, создать незаконное воинское формирование. Возможно, какие-то причины такого несогласия не стали достоянием гласности.

Однако спустя некоторое время после отставки Лебеда генерал Куликов также высказал идею создания специального подразделения по борьбе с организованной преступностью. Министра не поддержали, так как в недрах ФСБ и МВД существовали уже спецподразделения, в частности, Главное управление по борьбе с организованной преступностью. Еще одно формирование, видимо, показалось руководству страны нецелесообразным.

Трудно сказать, с чем была связана отставка генерала Рушайло, однако московская братва не отнеслась к ней с большой радостью. Нет, не то чтобы генерала не боялись, отнюдь: и боялись, и очень уважали, может быть, чувствуя какую-то справедливость в его действиях. Но очень многие представители криминальных структур сожалели об отставке Рушайло.

Растерянность и недоумение в криминальных структурах возникли также и в конце 1997 года и были вызваны секретным письмом Анатолия Куликова о создании Координационной комиссии по оперативно-разыскной деятельности. До шока дело не дошло, но очень многие стали интересоваться, какие меры и инициативы предлагает Министерство внутренних дел по борьбе с организованной преступностью. Последовали звонки, встречи с просьбами поподробнее узнать об этом письме.

Когда мне стало известно содержание письма, то оказалось, что в нем нет ничего опасного. Речь шла о создании специального механизма или, иными словами, разведывательных подразделений, призванных собирать информацию об организованной преступности. В рядах правоведов эта идея вызвала диспут, что, дескать, не Министерство внутренних дел, а прокуратура призвана осуществлять надзор за соблюдением законности, в том числе и за действиями органов внутренних дел.

Что ж, с организованной преступностью борются, и я бы сказал, всеми правдами и неправдами, хотя, между прочим, в законодательных актах понятие такое не фигурирует (но об этом я расскажу ниже). Так что наверняка резонно задаться вопросом: а как родилась, в частности, в Москве организованная преступность? Как скрещиваются пути-дороги зарождающегося российского бизнеса с криминалитетом в обществе, есть ли между ними какая-то связь? Вопросы, пожалуй, в какой-то мере риторические, но о скрытой в них сути мне довелось узнать из первых рук.

Встреча в банке

Я приехал в один из московских банков, руководство которого просило меня провести экспертизу будущего контракта. В сопровождении охранника я поднялся к вице-президенту.

В просторном кабинете, обставленном дорогой импортной мебелью, за большим массивным столом сидел рослый мужчина лет тридцати – тридцати пяти, в дорогом двубортном костюме от Версаче и в очках с золотой оправой. Он изучал какие-то бумаги. Поздоровавшись, я сел за стол и хотел было уже изложить результаты правовой экспертизы контракта, как вдруг банкир спросил:

– А вы меня не узнаете?

Я оторвал взгляд от документов и внимательно посмотрел на него:

– Нет, не узнаю. Но лицо знакомо.

– Ну как же! Пять лет назад я был вашим клиентом. Помните дело о вымогательстве одной люберецкой бригады? – И он назвал свою фамилию.

Конечно же, я прекрасно помнил Леню К., авторитета одной из люберецких бригад, обвинявшейся в вымогательстве у коммерсанта денег, которые тот якобы задолжал другому коммерсанту. Тогда я удачно доказал, что факт вымогательства отсутствовал, а была инсценирована только попытка разговора как факт вымогательства. Моих подзащитных освободили из-под стражи, и дело было закрыто.

Леня К. предложил мне пересесть за журнальный столик и за чашкой кофе сказал:

– А я вот теперь банкиром стал.

– Как же это ты вдруг выбрал такую неожиданную для себя профессию?

– Все закономерно.

– То есть как? – удивился я.

– А что, мне всю жизнь нужно было оставаться откровенным бандюгой? – сказал Леня. – Время примитивного рэкета и откровенного криминала прошло...

– Выходит, произошел переход в легальный бизнес? – спросил я. – И ты из братвы превратился в коммерсанта?

– В общем, да.

– А как это произошло?

– Очень просто. Все началось с того, что... я стал рэкетиром. Помните, в 1987 году был принят закон о кооперации...

Беседа с Леной К. у нас затянулась, он был словоохотлив и, казалось, вошел в азарт, посвящая меня в экономические азы раннего российского капитализма. В конце концов он рассмеялся и сказал:

– Ну и раскрутили вы меня! Исповедали!

Рэкетирское прошлое Лени К.

– Рижский рынок – это место, где собирались первые кооператоры, коммерсанты, которые предлагали нам шашлыки, самопальные джинсы, красивые экзотические наклейки разных фирм, карты Москвы с многочисленными магазинами и так далее. По выходным дням на этот рынок приезжало много зевак. Постепенно к рынку стали подъезжать и мы, ребята, которые жили в разных районах Москвы, прошли школу качков, спортсменов, уличной шпаны. Вот тогда впервые и возникли слова: «крыша», «наезд», «братва», «разводка», «стрелка», ну и прочие.

Первыми рэкетирами, которые осуществляли довольно грубый «наезд», были в общем-то простые ребята. Основными нашими учебниками были тогда видеофильмы, в основном про американскую или гонконгскую мафию, мы смотрели их в видеосалонах и набирались опыта.

– Но разве вы не знали, что зарубежная мафия в основном «наезжает» на тех предпринимателей, которые занимаются незаконным бизнесом, то есть торговлей наркотиками, проституцией, игорным бизнесом и так далее?

– Да мы, собственно, никакого различия в этом плане не делали, для нас главное был коммерсант, или лох, как мы его называли. Для этого мы и приезжали на Рижский рынок. А знаете, что родиной московского рэкета можно считать Рижский рынок? Здесь и стали появляться те бригады, группы людей, а потом и известные группировки. Но тогда в основном были небольшие бригады, в которые входило от пяти до десяти человек. Приезжали и «бомбили» кооператоров, лотошников, первые киоски...

Леня вдруг поднялся с кресла, подошел к столу и достал из ящика несколько фотографий. Одну из них протянул мне: он стоял в окружении троих крепких парней. Все были в спортивных костюмах, имели довольно грозный вид.

– Вот посмотрите, это из летописи первых «наездов», храню как талисман, – сказал Леня. Он задумался и снова заговорил: – Знаете, все-таки относительно спокойное и мирное было время. Тогда на Рижском рынке зарождались и наши первые тусовки. Делить было пока нечего, не наступило еще время передела... Не было никаких заказных убийств, взрывов, автоматов, пистолетов, и если происходили какие-то разборки, то они заканчивались либо кулачными боями, либо в ход шли дубинки, бейсбольные биты и нунчаки. Хотя, впрочем, недалеко от Рижского рынка, на Маломосковской улице, у известного кафе – название я уже забыл – возник спор в отношении одного коммерсанта между, кажется, ребятами с Мазутки, в основном живущими на соседней улице Павла Корчагина, и, по-моему, останкинской братвой. Они в это кафе бросили несколько бутылок с зажигательной смесью. Но никто не пострадал, только помещение частично выгорело, а люди отделались легким испугом...

Леня вдруг умолк, я обернулся к двери. В кабинет вошел капитан милиции. Мысли в голове пронеслись малоприятные.

– Все нормально, – капитан обратился к Лене, – разрешение вам выдали.

– Хорошо, – сказал Леня, – поговорим позже. Вот видите, – обратился он ко мне, – кто у нас работает? Бывший мой опер из Люберец. Я его к нам в банк взял начальником охраны. Он ездил к своим за разрешением на оружие и специально надел форму.

– А скажи, – я попытался продолжить прерванный разговор, – как расширились границы, как ты говорил, родины рэкета? Ведь потом не только на Рижском рынке, а по всей Москве прошла волна рэкета. Писали уже о рэкетирском беспределе. Обыватели, которые рэкет и в глаза не видели, приходили в ужас, завидев парней крепкого телосложения в спортивных костюмах.

– Кстати, эти дурацкие самопальные «адидасовские» костюмы рэкетирь сменили потом, к началу 90-х, на короткие полупальто, ходили с короткой стрижкой «под ноль». Но это была не просто мода, а как бы психологический прием воздействия на будущих наших потенциаль-

ных клиентов. Так вот, да, кооперативное движение развивалось, постепенно вышло с площади Рижского рынка. Были заняты улицы, площади, переулки, появились лотки, разные коммерческие структуры. В моде еще были видеосалоны, платные туалеты. Вот тогда братва стала предлагать «крышу» коммерческим предприятиям. Много ходило разных мифов, и один из них я хочу развеять. Это миф о криминальной карте Москвы. Говорят, что все районы Москвы закреплены за теми группировками, которые в основном живут в этих районах. Например, Ленинский проспект считается почему-то закрепленным за солнцевской и ленинской группировками. На самом деле это далеко не так. Конечно, «право первой ночи» принадлежит тем, кто придет первым к коммерсанту. А у коммерсанта уже может быть своя «крыша». Тогда ему говорят: «Назови, с кем работаешь». Если возникает какое-либо подозрение, что нас обманывают, то мы через коммерсанта назначаем его «крыше» стрелку, на которой сразу определяется, является ли коммерсант свободным или он уже работает с кем-либо. Вот тогда и родился первый девиз братвы: «Нам чужого не нужно, а свое не отдадим». Так что утверждение, будто районы Москвы закреплены за какими-то определенными группировками, неверно. Один коммерсант может иметь «крышу» из четырех группировок, мне даже известен случай, когда один вещевого рынок держали семнадцать московских группировок, в разных долях конечно.

– Были у вас, наверное, какие-то подходы, приемы, чтобы установить отношения с коммерсантом, выйти на него? Как они на вас реагировали?

– У разных коммерсантов к нам отношение тоже было разное. Конечно, прибегали мы и к жестким формам «наезда». Подъезжаем, говорим: «Давай плати, лох». И он платил. А те, кто не соглашался, подвергались прессингу. Благо учебные пособия у нас были хорошие, те же художественные кинофильмы. Были популярны паяльник и наручники, которыми мы пристегивали клиента к батарее. Случалось, вывозили его в лес или закрывали в подвале. После небольшой обработки клиенты соглашались платить. Платили обычно двадцать – тридцать процентов от прибыли.

Прекрасно помню, как я с моим двоюродным братом приехал в гости к одному мытищинскому авторитету. Он повел нас в свою загородную баню. Сидели мы с пацанами, парились, вдруг один из подручных авторитета к нам в парилку, в эту дикую жару, заталкивает парня в дубленке и меховой шапке и при этом говорит: «А теперь посиди и подумай, где достать тридцать тысяч». Такие методы тоже были, что говорить...

– Круто вы с ними обходились. Наверное, не брезговали обманом, хитростью, шантажом, а?

– Ну, вначале мы держали коммерсанта в строгости, иногда придирались к каждому слову. И действовали по принципу: за все нужно отвечать. Сказал не так – отвечай. А отвечали обычно деньгами. Затем была идея «развести» коммерсанта, урвать побольше, заложить кабанчика, то есть все, что он накопил, наработал, мы отнимали, ну, не мы, а другие бригады, – поправился мой собеседник. – Иногда какая-либо бригада инсценировала «наезд». Например, мы договаривались с другой бригадой, чтобы та начала «наезжать» на коммерсанта. Тогда он нас вызывал, чтобы разобрались с другой бригадой. Ну, мы назначали стрелку, отправляли на нее двух-трех ребят. А через пару дней подвозили их, специально избитых, окровавленных, – таковы были правила нашей игры – к нему в офис и запускали. Входит наш парламентарий, весь окровавленный и избитый. Коммерсант в шоке. Тут подъезжаем мы: «Так, давай плати на восстановление здоровья, пострадали ребята по твоей милости». Платит. Затем новое условие: «Дай деньги на войну. Мы должны их наказать». Он дает нам десять тысяч, тридцать тысяч долларов – все зависит от того, насколько коммерсант богат. А потом мы с братвой из другой бригады на эти деньги либо в ресторане гуляли, либо куда-нибудь на курорт с телками уезжали отдыхать.

Выколачивание долгов

– Мне приходилось слышать, что со временем коммерсанты сами стали искать себе «крышу». Предпочитали «добровольно сдаться», наверное, не очень им хотелось иметь дело с непрошеными гостями...

– Бизнес, коммерция набирали силу. Многие коммерсанты стали понимать, что без нас, без наших охранных услуг им никуда не деться. Кроме того, у многих возникали проблемы с кредиторами и должниками. Вот тогда братва и взяла на себя, помимо охранного бизнеса, и функции выколачивания долгов, поиска тех, кто «кидал» наших коммерсантов.

Выколачивание долгов постепенно превратилось для нас в официальный бизнес, которым занимались практически все криминальные структуры. Да и не только они. Обычно представляют коммерсанта в окружении каких-то мордоворотов, с цепями на шее, они едут выбивать долги к другому коммерсанту. Но это тоже очередной миф...

– А как же это выглядело реально?

– В каждой уважающей себя крупной группировке имелаась специальная бригада, она и занималась выколачиванием долгов, другими такими же «сервисными услугами». Бригада жила достаточно цивилизованно, у нее был официальный статус: более чем законопослушное охранное или сыскное предприятие с безупречной репутацией, со всеми необходимыми разрешениями и лицензиями...

Кстати, во всей Москве прекрасно знали, что каждой группировке принадлежит свой охранный офис. Подробной информацией располагали и правоохранительные органы. Правда, криминала в этом не было, потому что принадлежность охранной фирмы к преступной группировке уголовно не наказуема, так же, как нет в нашем Уголовном кодексе и наказания за наличие бандитской «крыши».

– Ну а все-таки коммерсант обращался к вам напрямую или через посредников, по чьей-либо рекомендации?

– Коммерсант обращался в охранные фирмы по рекомендации своих знакомых коммерсантов, а может быть, даже и через представителей их «крыши». Он излагал суть своей проблемы, обязательно представлял какие-то документы. Причем мы не были юристами и не нуждались в документах, нотариально заверенных. Просто для нас необходима была их реальная доказательная сила, а также та четкая сумма, которую ему задолжал другой коммерсант. Или же нам надо было представить документы, подтверждающие, что наш коммерсант понес какие-либо убытки в результате деятельности другого коммерсанта. Как только документы попадали к нам в руки, начинался процесс выбивания долгов. Ну а на самом деле это выглядело таким образом: просто работники охранной фирмы, которая, так сказать, получила заказ, назначали стрелку своим коллегам из другой группировки, которые обеспечивали «крышу» должника, и проблема решалась путем спокойных, мирных переговоров. И «крыша» должника внушала затем своему подопечному, что долги надо отдавать.

– Неужели всегда удавалось договориться по-хорошему? Не возникали какие-нибудь трудности?

– Конечно, бывали случаи, когда «крыша» должника оказывалась круче «крыши» кредитора. Тогда работники последней извинялись перед своим коммерсантом и рекомендовали ему обратиться в другую, более мощную охранную структуру. Случалось, что «крыши» между собой сговаривались, и тогда происходила так называемая «разводка», то есть из обоих выбивали несуществующие долги. Со временем к этим приемам стали прибегать реже. Хотя, говорят, и до сих пор иногда еще практикуется такое.

Леня резко поднялся, подошел к окну и, помолчав, вдруг спросил:

– А вы никогда не задавались вопросом, почему коммерсант к нам обращается, чтобы вернуть свои деньги? А не в суд, не в арбитраж, не к вам, наконец, к адвокатам?

Да, вопрос больной и по существу. Ответил я не сразу.

– У нас худо-бедно как-то уже складываются новые экономические отношения, а судебная система все та же и новой экономике не соответствует. Прежде всего суды практически полностью устарели. Если даже после долгого, растянувшегося на годы процесса человек выигрывает дело, то ему еще предстоит получить деньги по выигранному делу. А сейчас практически деградировала система судебных исполнителей. Проще говоря, решения арбитража или суда не исполняются по той причине, что у нас нет, как принято в европейских странах, системы долговых тюрем, системы описания имущества и тому подобного. Поэтому коммерсант и вынужден обращаться к «крыше» за помощью. Но у вас, наверное, более весомые аргументы, более неформальные методы общения с должником?

Телефонный звонок прервал наш разговор. Леня снял трубку. Речь шла о коммерческом проекте, о тех документах, которые я принес с собой. Когда он закончил говорить, я поинтересовался:

– Леня, а если не секрет, как же ты в конечном счете выбился в банкиры? После того, как уголовное дело против тебя было прекращено, ты сразу занялся бизнесом?

Взлет банковского дела

– Нет, тогда завязать с криминалом я не мог. Механизм был уже раскручен. Была бригада, она не могла бросить дело. Но у нас назревали перемены. Постепенно открытый криминал кончался, многие из нас стали побогаче. Общак стали крутить, вкладывать в различные коммерческие проекты. Мы стали переходить на легальный бизнес. Конечно, у кого было мало интеллекта, кого коммерция не привлекала, те так и остались бандитами. Но большинство занялось бизнесом.

– Ну а как это практически получилось?

– Мы же все время общались с коммерсантами, и поэтому схема их коммерческой деятельности была знакома. Коммерсанты постоянно с нами советовались, боялись, как бы на чем-нибудь не споткнуться. А чем мы хуже их? Поэтому мы либо сами начинали заниматься коммерцией, либо нанимали толковых молодых ребят, менеджеров, чтобы они крутили наши деньги. Так и по сей день происходит. Вот я из любера и стал главой банка.

– А какова твоя роль, функции, обязанности во всей финансовой деятельности?

– Я пришел с деньгами нашей братвы, мы их вложили в банк. Одновременно я выступаю в качестве и учредителя, и смотрящего, чтобы деньги никто не расходовал, не воровал. Вначале я работал вице-президентом банка по собственной безопасности. Но потом взял на это дело ребят помоложе и сейчас работаю на участке выдачи и получения кредитов.

– Иметь дело с кредитами, я думаю, не так-то просто, тут и промахнуться можно, тут и тебя, так сказать, «кинуть» могут...

– Вообще-то, конечно. Прежде чем дать кредит, мы «пробиваем» человека или организацию, подстраховываемся, встречаемся с его «крышей», требуем какие-либо гарантии. Бывает – «кидают», и не только нас. Вот приведу один только пример. Был в Москве несколько лет назад Антон Долгов, руководитель Московского городского банка. И в этот банк вложили деньги очень многие структуры, и коммерческие и преступные. В один прекрасный день Антон исчез с деньгами. Какой переполох поднялся в банке! Приехали и коммерсанты со своими «крышами», и РУОП с СОБРОм. Все толкутся в коридорах, суетятся, а сделать ничего не могут. Антон как в воду канул. До сих пор, говорят, его ищут за границей братва и правоохранительные органы. Ничего, рано или поздно найдут. Или вот еще, пожалуйста, вам пример. – Мой собеседник взял со стола свежий номер газеты «Коммерсантъ» и сказал: – Дело Григория Лернера. Кстати, я с ним лично встречался, он ко мне приходил. Вот пишут, что он замешан в хищении свыше двухсот миллионов долларов у Промстройбанка, Мосстройбанка, Межрегионального банка, Мострансбанка и Нефтяного банка. Одни говорят, что это так, другие отрицают факт хищения.

– Я слышал, что кредитные отношения в самих банках тоже сильно криминализированы. Известны случаи, когда какой-либо банкир выдает левые кредиты, то есть не ставит в известность своих учредителей, а поскольку выдает кредиты, не оформив соответствующие документы, то неожиданно исчезает. Потом его просто-напросто убирают.

Леня с пониманием закивал и как бы резюмировал:

– Все денежные средства, которые находятся под опекой криминальных структур, тщательно охраняются, на них практически посягательств не бывает. Вспомните дело подольской «Властилины». Я лично помню, что когда в Подольск возили чемоданами деньги, то ни одного случая нападения не произошло. А почему? Да потому, что люди прекрасно понимали, что «Властилина» находится под охраной криминальных структур, и никому даже в голову не приходило попытаться отнять эти деньги.

– Правда ли, что в банках находится в обороте большая часть криминальных денег, то есть нажитых криминальным путем?

Мне показалось, что вопрос был неожиданным для моего собеседника. Он немного подумал и сказал:

– Я бы не совсем согласился с такой постановкой вопроса. Вы сами говорили, что в Уголовном кодексе не существует никакого наказания за предоставление «крыши». Те, кто выступает в роли «крыши», получают за услуги десять – двадцать процентов. Эти вот деньги всех «крыш» потом и оказываются в обороте. А говорить, что они криминальные, я бы не решился. Да и в начале 90-х коммерсанты же сами искали себе «крышу» и фактически платили ей за работу...

– Леня, по-моему, когда ты ушел в бизнес, в криминальном мире и вокруг него произошли изменения. Примерно с середины 90-х годов государство уяснило для себя что организованная преступность существует. И появились разные указы на предмет борьбы с ней и их исполнители – спецслужбы: РУОП, СОБР, ОМОН, ФАПСИ, налоговые полиция и инспекция и другие организации. Поэтому сейчас по ряду причин – трудно сказать, по каким именно, – но многие коммерсанты стали выбирать в качестве «крыш» эти вот спецслужбы. Те, кто занимается торговлей на рынках, в палатках, обычно обращаются в районные отделения милиции, другие – в РУОП, в службу по экономическим преступлениям. Есть даже «крыши» из ФАПСИ...

Я, кажется, ничем не удивил Леню, он меня спокойно дослушал и тоже поделился любопытной информацией:

– У меня тоже недавно был такой случай, когда мы разбирались с должником по кредиту. Приехали на стрелку, и можете себе представить, что с другой стороны была «крыша» из Министерства по чрезвычайным ситуациям. Мы просто обалдели... Так что я вот как скажу: у нас существует не организованная преступность, а криминальный бизнес... И в нем участвуют все: коммерсанты, бандиты, представители спецслужб, милиция, суды, прокуратура и вы, адвокаты. – И Леня с улыбкой посмотрел на меня. – Все мы в одном котле варимся. Просто у каждого из нас свои проблемы...

Трудно было не согласиться с моим собеседником. А вся суть, вся горькая правда в том, что главный участник криминального бизнеса – само наше с вами государство...

Как братва в Москву съезжалась

Где-то в начале 90-х годов в Москву стали приезжать бригады из других городов России. Встала серьезная проблема сфер влияния и их раздела и передела. Мне хотелось услышать, что на этот счет думает Ленья.

– Как у вас складывались отношения с приезжими, иногородними группировками? Какие из них первыми появились в столице?

– Вообще, с ними были большие проблемы. Среди первых бригад из других городов, наверное, можно назвать липецких, красноярских, архангельских, курганских, новокузнецких и казанских. Первая встреча у нас была как раз с казанскими.

Они объявились в Москве еще в середине 90-х годов, когда мы пока не трясли коммерсантов. Тогда мы впервые услышали, что казанские приезжают в Москву и учат москвичей русской идее. Они отлавливали панков, различных стилинг и избивали их. Попозже люберецкие ребята тоже стали приезжать в Москву с такими же намерениями. Но когда от уличных забав братва перешла на экономику, казанские тоже изменили поведение. Мы работали на одного из коммерсантов и на стрелке встретились с казанскими ребятами.

Возглавлял их Артур Кжежевич. Он был из спортсменов, увлекался боксом. После того как стрелка мирно закончилась, Артур предложил мне встретиться в ресторане.

Фешенебельный ресторан находился на Новом Арбате. В то время там выступал балет, варьете. Приехал я с ребятами, Артур уже в зале сидит. Поляна накрыта, ждет нас. Мы подсели, начали разговор. А сводился он к тому, что, мол, брат, мы общие с тобой интересы имеем: что Казань, что Люберцы, одинаковая идея. Москвичей надо потеснить, они зажрались. Давай, мол, объединимся, и нам по силе равных не будет. Вот такая у него идея была. Но я ему объяснил, что надо мной есть вышестоящие и без них я этого не решаю. Артур уточнил, что над ним тоже есть старшие. Говорит, давай с тобой решим вопрос, а потом и на старших выйдем.

Встреча закончилась ничем, но я заметил, что казанские вели себя спокойно в ресторане, как хозяева. Да и пацаны из его бригады приставали к девушкам из варьете, давали указания халдеям. Все это мне не понравилось. Мы расстались.

Прошло некоторое время, и как-то на заправке я встретился с братвой Артура, спросил про него. Сказали, что он перебрался в Питер, имел там серьезные дела, но вскоре угодил в зону за вымогательство.

У Лени как-то резко изменилось настроение, он зашагал по кабинету. Видимо, с приезжими у него были серьезные проблемы.

– И все-таки, как ты сам думаешь, почему они стали приезжать в Москву?

– Мне кажется, они себя исчерпали в своих городах. Как бы там ни было, а провинциальные городки маленькие, у них нет тех возможностей, что в Москве. Это первое. Второе, у многих, с кем я встречался, возникли серьезные проблемы. Дело в том, что подрастала молодежь, а она постепенно вытесняла тех, у кого уже были какие-то прочные позиции. Вот и вынужденно уезжали в Москву в поисках счастья. Но в столице они никакой погоды не делали, в основном пытались найти своих земляков, которые занимались бизнесом, и предлагали им «крыши». Но постепенно зона их интересов стала расширяться, они начали выходить и на московских коммерсантов, пытались отнимать у московской братвы лакомые кусочки. В этом отношении отличилась группировка из Новокузнецка. Мы забили с ними стрелку, встретились на пустыре. Приезжаем. Смотрим: стоит, съездившись, какой-то хмырь, невысокого роста, плохо одет. Мы посмеялись над ним. А он говорит: «Ну что, псы поганые, перестреляю я вас всех!» И дал знак рукой. Тут же подъехала грязная «девятка», стекла тонированные опустились, и мы увидели, что оттуда торчат дула автоматов. Из-за кустов тоже вышли пацаны с автоматами. Мы сразу

поняли, что имеем дело с беспредельщиками, отморожками, как мы их называли. Не лезть же под пули! Мы повернулись и ушли, матеря их.

Это была банда Лабоцкого, говорили, что ее всю повязали. Вот тогда, по-моему, когда в криминальный бизнес пришла братва из других городов, когда пришли звери ¹и чехи², наши стрелки превратились в серьезные разборки. Вот тогда мы решали вопросы с помощью силы.

– Я понимаю, у них появились претензии на передел сфер влияния, а решить этот вопрос мирно не было возможности. Поэтому вы стали вооружаться? Как вам это удалось?

– Да, и старались вооружаться за счет клиентов, коммерсантов. Приходим к клиенту и говорим: «У тебя возникли проблемы, на тебя „наехала“ такая-то группировка. Давай деньги на войну». Коммерсант выкладывает деньги. Покупали стволы обычно у военных, со складов, или же ездили специально в Тулу. Там все можно купить. И стали возить с собой уже автоматы, пистолеты, гранаты. Чуть позже появились и взрывные устройства.

– У вас вроде и мода на оружие была?

Леня улыбнулся:

– Точняк. Была мода на стволы, были и заморочки с ними. Вначале по бедности в моду вошли «ПМ» – пистолет Макарова – и «ТТ», все китайского производства. Но потом, со временем, когда мы немножко разбогатели, стали покупать импортный товар. Молодые были и хотели посостязаться, у кого волына³ круче. Например, мне тогда привезли «смит-и-вессон», пять тысяч долларов стоил. У многих серьезных авторитетов чем ствол круче и дороже, тем, значит, престижней. Я не раз слышал от братвы, как руоповцы, омовцы подкладывают серьезному авторитету какой-нибудь наган 1913 года выпуска, а он им и говорит: «Что вы мне такую помойку подложили? Могли бы и пошикарней что-нибудь найти. Я с такой ерундой не езжу».

– Да, – согласно кивнул я, – было такое, когда опера по бедности подкладывали в основном всякое старье. Кстати, потом экспертиза не признавала их ни как боеприпасы, ни как боевое оружие.

– С ментами, с операми всякое, конечно, бывает, – сказал Леня. – Руоповцы, собровцы активно действуют. Они когда появились, то моментально братву вычислили, засняли. Привезут, скажем, к себе на Шаболовку, сфотографируют, пальчики прокатают, побеседуют, запишут в трубу⁴ и отпустят – до следующего раза, то есть гуляй, парень, пока не попадешься. Много они нам проблем устроили. Но мы с пониманием относились к ним. Такая у них работа. Поэтому мы вели себя на задержании обычно вполне спокойно. Хотя, конечно, бывали случаи, когда, как говорится, бычарились. И тогда руоповцы и собровцы действовали жестко. Знаете, у нас среди братвы такой анекдот про них ходит. Собрались как-то два авторитета и вор в законе посидеть, поговорить за бутылочкой. Один авторитет спрашивает другого: «Какая твоя мечта?» Тот говорит: «Какая мечта? Хочу, чтобы коттедж был в ближнем Подмоскowie, вилла за границей, „шестисотый“ „Мерседес“ и много-много девчонок». Первый говорит: «А я хочу два коттеджа в Подмоскowie, две виллы в Испании, два „Мерседеса“ и девчонок в два раза больше». А вор в законе говорит: «Хочу, чтобы коттедж был в Подмоскowie, чтобы было много-много в нем СОБРа, ОМОНа, РУОПа, чтобы автомат к уху прижали и спросили: „Это Садовая, 13?“ А я бы им отвечал: „Это Садовая, 14.“» Вот и анекдот я вам про нас рассказал...

¹ Зверь – кавказец (жарг.).

² Чех – чеченец (жарг.).

³ Волына – пистолет (жарг.).

⁴ Труба – телекамера (жарг.).

Глава третья Атрибутика братвы

Как же их теперь называть?

Итак, криминал у истоков бизнеса или бизнес с криминальными корнями. В итоге – зарождение братвы, или, более официально, организованной преступности, с ее нравами, понятиями, влиянием в обществе и сферами влияния. Она в центре внимания президента, премьер-министра, министра внутренних дел, руководителей спецслужб и прочих граждан страны, и все с ней борются. Но парадокс в том, что в российском уголовном законодательстве такого понятия не существует.

Разумеется, специальные статьи УК РФ приближены к регулированию этого процесса. Статья 208 Уголовного кодекса говорит об организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем; статья 210 – об организации преступного сообщества и участия в нем; наконец, статья 209 квалифицирует понятие «бандитизм», то есть создание устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а также руководство этой группой и участие в ней.

До середины 80-х годов государство отрицало существование организованной преступности и оповещало о ежегодном снижении уровня уголовной преступности. Население страны тем самым вводилось в заблуждение, а преступные формирования назывались бандами. Но в 80-х годах такое название практически устарело, да и сами представители группировок, повязанные друг с другом криминальными связями, никогда не называли себя бандитами. Общаясь с ними, я часто слышал, как они говорили о себе:

- Мы не бандиты.
- А кто же вы? – удивленно спрашивал я.
- Мы – структура. В конце концов – мафия. Но только не бандиты.

А своих противников они тем не менее всегда называли бандитами. Прямо как в известной в свое время игре в «шпионов и разведчиков». Иностранные государства – шпионы, а мы – разведчики. Так что понятие «банда» в нашей стране, как ни странно, не прижилось.

В 80—90-х годах правоохранные органы придумали ряд других названий для людей, причисляемых к организованной преступности. Прежде всего, ОПГ – организованные преступные группировки, преступные сообщества, структуры. Сейчас уже трудно сказать, сколько их у нас в Москве действует. Дело в том, что, согласно уголовному законодательству, объединение двух или трех человек, скажем, во дворе с целью совершения какого-либо преступления тоже смело можно отнести к преступному сообществу. Хотя, конечно, до ведущих авторитетов и мощных группировок им еще очень далеко.

Спорно и утверждение термина «преступная». Его можно применять, во-первых, только в случае, когда уже вынесен приговор суда по конкретному делу. Во-вторых, существующие группировки, или структуры, как они подчас себя называют, давно уже отошли от таких традиционных видов промысла, как грабежи, разборки, захват заложников. Сферой их интересов являются экономические вопросы, легальные, а иногда и нелегальные виды бизнеса, и, кроме того, большое внимание они уделяют политике. Поэтому не совсем верно употреблять по отношению к ним понятие «преступный».

Группировки и сообщества в Москве тем не менее существуют и действуют. В своей обиходной речи их представители чаще всего называют друг друга братвой. Отсюда и распространенные слова «браток», «брат», «братишка».

К слову сказать, в нашей стране, где в последнее время такую популярность приобрела криминальная тематика, думается, многие заметили, как в нашем языке укореняются многие словечки братвы. А в речи официальных деятелей, начиная с Госдумы и кончая помощниками президента и министрами, нередко слышится уголовно-жаргонный акцент: «разборка», «наезд», «общак», «нужно делиться» и так далее.

В основном группировки носят название района, города, откуда родом их лидеры или откуда набирается их костяк. За очень редким исключением группировки носят имя своего лидера. Например, такие, как малышевская, кемаринская из Санкт-Петербурга, группировка Мансура, группировка Ларионовых, группировка Лабоцкого.

Структура

Авторы литературы об организованной преступности считают, что структура состоит из четырех-пяти банд, в банде – две-три группы, в группе – два-пять звеньев, в звене – две-пять бригад, в бригаде – пять или десять человек. Но на самом деле деления как такового в группировках не существует. Реально имеют место бригады и звенья. В каждой бригаде от пяти до десяти-пятнадцати человек. Звено – это маленькая группа из пяти человек. У каждой бригады, или звена, своя определенная специализация. Поэтому в зависимости от назначения у сообщества есть своя группа разведки, контрразведки, боевиков, группа людей, отвечающих за технику, за машины, свои казначеи, которые собирают дань с подшефных коммерческих структур. В особую группу выделяются киллеры.

Киллеры и «чистильщики»

Группировки, живущие по принципу «нам чужого не нужно, а свое не отдадим», стараются избегать силового решения спорных вопросов. Но, когда возникает тупиковая ситуация, тогда они прибегают к услугам киллеров, которые выполняют приказ или заказ на ликвидацию того или иного объекта. Киллеры в группировке могут быть штатными и наряду с остальными членами бригады заниматься обычными для них делами. Но когда старшие велют кого-либо убрать, те вынуждены выполнить приказ, иначе разделят судьбу своей жертвы. А за старание киллерам полагается дополнительное поощрение: денежные премии, автомобиль, радиотелефон, поездка за границу.

Жертвами киллеров могут стать те члены группировки, которые попадают в «список приговоренных» из-за нарушения дисциплины или какого-либо проступка: заурядного предательства, «крысятничества» (воровства) из общака, посягательства на власть старших и тому подобное.

Киллеры чаще всего убирают конкурентов из других группировок. Но если между ними складываются враждебные отношения, то ликвидация поручается обычным боевикам, которые становятся на время киллерами. Когда же группировка, которую «заказывают», нейтральная или дружественная, но в силу сложившихся обстоятельств с ней надо «разобраться» (например, забрать ее коммерческую долю), то ликвидацию лучше и безопаснее поручить «киллерам по вызову».

Приглашенных киллеров называют «чистильщиками», и они обычно бывают из других городов, не имеют связей с криминальным миром. Таких киллеров как ненужных свидетелей сразу убирают. Когда в средствах массовой информации сообщают об убийстве крупного авторитета или коммерсанта, то зачастую вечером того же дня обнаруживают труп либо неизвестного, либо какого-нибудь боевика. По-моему, подобные совпадения не случайны.

«Чистильщиков» вызывают, когда надо наказать неугодных бригадиров, строптивых боевиков, рвущихся к власти или метящих в авторитеты. В некоторых группировках даже заранее отслеживается ее внутренний климат на предмет выявления потенциальных соперников. Расправляются и с провинившимся, который вызывает у старших группировки какие-то сомнения. Например, болтливость Романа Н. не нравилась авторитетам, потому это могло бы стать причиной «раскола» у ментов. Кроме того, боевик был уличен и в воровстве денег из общака. Однажды ничего не подозревающего Романа Н. двое членов группировки пригласили в лес пострелять. Когда они приехали к заранее выбранному месту, его подвели к вырытой яме. Затем неожиданно подошел «чистильщик» и выстрелил в висок Роману, а «коллеги» закопали его труп.

Приезд «чистильщика» может выполнять и профилактическую роль, например для устрашения или поднятия дисциплины в группировке. Подозрительность – характерная черта многих лидеров. Так, один из авторитетов бригады заподозрил бригадиров в заговоре против него и поспешно вызвал «чистильщика», которого уже раньше в группировке знали. Присутствие прикомандированного «чистильщика» внесло нервозность и напряженность в бригаду. Спустя некоторое время «заговор» был мирно устранен.

Киллеры, как вообще любой боевик, живут и «работают» не больше пяти лет. Если к этому времени они не успевают выйти из дела, то их ждет либо смерть, либо зона.

Никакой специальной школы подготовки киллеров не существует – это всего лишь легенды. Вероятнее всего, что они проходят своего рода «краткосрочные курсы» по повышению квалификации, прежде всего по огневой подготовке. На длительное обучение нет ни времени, ни смысла.

Боевики

Большую часть группировки составляют боевики. В основном это бывшие спортсмены, занимавшиеся в какой-либо секции; уличная шпана; чаще бывшие уголовники, отсидевшие небольшие сроки за кражу, мошенничество, угоны машин. Сегодня в группировки хлынула новая волна из бывших работников правоохранительных органов, различных спецслужб, военнослужащих. В последнее время серьезным влиянием пользуются группировки бывших афганцев, которые вылились, по существу, в движение.

Возраст боевиков не превышает тридцати лет, хотя есть и ветераны, которым под сорок, то есть кадровые, прошедшие школу профессиональных «ломщиков» и «кидал». Особенно много молодежи в измайловской, кунцевской, люберецкой группировках.

Для боевика из другого города считается удачей получить небольшой штатный оклад при группировке, жить на съемной квартире, обычно по два-три человека. Когда боевик более-менее набирает силу и у него появляются какие-либо заслуги, то ему иногда позволяется жить в квартире с подругой, которую он либо вызывает из своего города, либо находит уже в Москве. Многие живут с проститутками, часто снимают их в ночных клубах.

В группировках из бывших спортсменов, как правило, проповедуется здоровый образ жизни, то есть категорически запрещено употребление спиртного, наркотиков. Многие из боевиков закодированы, зашиты.

В специально отведенные дни так называемого спортивного режима боевики оттягиваются в спортзалах, занимаясь с железяками. В последнее время стали популярны снаряды «Кеттлер». Очень распространена у боевиков игра в футбол. Также они часто выезжают в тир пострелять.

В группировке царит строжайшая дисциплина и беспрекословное подчинение старшим и авторитетам.

Рабочий день боевика в группировке ненормированный. Он может длиться и несколько часов, а подчас и целые сутки, скажем во время слежки за объектом.

Жизненные интересы боевиков не отличаются разнообразием. Они стремятся как можно больше заполучить материальных благ или подняться на ступеньку выше в криминальной иерархии – стать авторитетом. Часто, приезжая в отпуск к себе домой, они расписывают своим сверстникам красивую московскую жизнь, свои посещения ночных клубов и снятие проституток. Земляки в провинциальном захолустье, естественно, проникаются к ним завистью. Когда боевики погибают, то часто туда же в провинцию отправляется кадровик, который из числа их же друзей набирает новых рекрутов для группировки.

В Москве и в ближайшем Подмосковье есть свои кладбища для боевиков, от которых избавляются. Например, трасса Рижского шоссе, где пустынно и безлюдно, мало машин и поэтому не составляет особого труда замести следы и закопать труп в лесу или на обочине. В летний период большой популярностью пользуется Клязьминское водохранилище, где также много укромных мест и труп с привязанным к нему тяжелым предметом можно беспрепятственно опустить на дно.

Вместе с тем я не согласен с теми авторами, которые рядовых боевиков называют «одноразовыми», имея в виду, что жизнь у них коротка и их чаще всего бросают. Наоборот, когда боевик оказывается в беде – его арестовывают, задерживают или он попадает в больницу, – то лидеры группировки проявляют к нему повышенное внимание. Боевику сразу нанимают адвоката, посылают передачи, посылки в следственные изоляторы, навещают в больнице, обеспечивают хорошими врачами. Я был частым свидетелем того, как с какой-нибудь перестрелки привозили раненого бойца и старшие нанимали хороших врачей, помещали пострадавшего в комфортабельную палату, обеспечивали охраной. После гибели боевика обычно организовыв-

вают пышные похороны, помогают его семье или родителям. Все это необходимо для того, чтобы другие знали: лидеры группировок никогда не бросают своих.

Наконец, о практике перехода из одной группировки в другую. Он возможен только в одном случае: если группировка распадается, погибает или уходит на зону лидер группировки. Если в другую группировку переходит один боевик, то он может привести с собой и своих коллег.

Формы поощрения

В группировке наряду с наказанием практикуются и формы поощрения. Например, боевикам предоставляется поездка за границу, куда они берут с собой девиц.

Однажды зимой в Эмиратах со мной произошел интересный случай. В одну из гостиниц в местечке Шарджи съехалось много братвы из разных городов России. Они вместе отдыхали, проводили тусовки, снимались на память. Все были обвешаны многочисленными золотыми цепями и расписаны всевозможными татуировками, в которых я с профессиональной легкостью разобрался.

Обратив внимание на мое неисписанное тело, они проявили ко мне заметное пренебрежение. Как-то их компания сидела недалеко от меня, когда мне позвонил клиент. Я стал с ним разговаривать, забыв на минуту о своем окружении. В разговоре я произносил слова «следственное управление», «ФСБ», «Лефортово», «встречусь со следяком» и так далее. Вдруг смотрю, братва неожиданно смолкла, воззрившись на меня с изумлением и некоторым испугом, всем видом своим выражая почтение и уважение. А вечером, когда я шел ужинать, то двое или трое из них заискивающе со мной раскланялись.

Наиболее авторитетные лидеры группировок выбирают для отдыха страны Европы. Например, Грецию, Испанию, Голландию, Италию, острова Карибского бассейна. О красивой жизни за бугром они обычно любят вспоминать в следственных изоляторах.

В премиальную систему входит и награждение автомобилем, радиотелефоном, а также процент с прибыли. Это означает, что боевик вначале «ведет» коммерсанта, а потом, предоставляя «крышу», остается его куратором, то есть получает небольшой процент из общей суммы, которая уходит в общак группировки.

Еще несколько примеров своеобразных видов поощрения.

В день рождения одного боевика друзья преподнесли ему дорогую проститутку за тысячу долларов. Другой боевик получил подарок-шутку: немую проститутку. Ночью он попытался с ней заговорить, и когда понял причину ее молчания, то расхохотался – забава ему понравилась. И между интимными занятиями они писали друг другу письма на листках блокнота. Кстати, их знакомство затянулось на несколько месяцев, они стали жить вместе, пока он не погиб во время разборки на одной из стрелок. Через его друзей я узнал, что она «завязала» с прежней жизнью, отказалась от многих предложений знакомых боевиков сожительствовать с ними и уехала из Москвы в свой городок.

Место встреч

Обычно офисов как таковых у группировок нет, но некоторые обзаводятся ими.

Один из таких офисов, который мне довелось посетить, занимал бывшее помещение детского сада. Новые его хозяева сделали евроремонт, оборудовали охранной системой, обеспечили видеонаблюдением. Здесь они решали свои организационные и экономические вопросы, прорабатывали операции. Братва любит собираться в баре или кафе какой-либо пятизвездочной гостиницы или ресторана, но особое предпочтение отдает ночным клубам и казино. Сейчас их в Москве стало очень много, и некоторые остряки шутят: если РУОП и МУР получают приказ арестовать всю московскую братву, то с этим можно справиться за три дня во время ночных тусовок.

В местах отдыха и развлечений братва соблюдает свои неписанные законы: не стреляет, не убивает, даже до потасовок дело не доходит. Если в ночном клубе сталкиваются две враждующие группировки или крутые и непримиримые враги, то ни в самом помещении, ни вокруг него они не предпринимают никаких боевых действий. Во-первых, потому, что вся территория под контролем братвы, во-вторых, каждый из них дорожит своим престижем и «соблюдает понятия».

Однако у выхода из ночного клуба нередко может прогреметь выстрел киллера. Поэтому наиболее опытные авторитеты стараются не бывать часто в одних и тех же клубах.

Стрелки

Стрелки – это тоже место, а также время, когда встречаются представители разных группировок для решения каких-либо проблем. Обычно стрелки носят мирный характер, но в последнее время стали более жесткими. Никогда не опаздывать на стрелку – признак хорошего тона. Если какая-либо группировка задерживается или не приезжает на стрелку, то она проигрывает спор.

Но бывает, боевики, покидая стрелку, нарываются на засаду и их убивают. В последнее время подобные случаи участились.

Число участников стрелки бывает разное: от трех до пяти человек, если это заранее не оговаривается. Но на некоторые стрелки пригоняется почти вся структура для демонстрации своей мощи. Тогда на стрелке оказывается пятьдесят, а то и сто человек. Многолюдной она бывает и в случае заранее задуманного конфликта.

Могут стрелки проходить и просто на улице, в каком-либо людном месте. Если группировки близко знакомы или же имеют общего коммерсанта, то они встречаются и в ресторанах. Как адвокат я присутствовал на стрелке трех группировок в одной из московских гостиниц на Ленинском проспекте. Я выступал как эксперт по одной коммерческой сделке. Лидеры группировок пили кофе, ели бутерброды, обсуждали отчеты по расходам, коммерческие проекты по вложению денег.

Стрелки, бывает, заканчиваются и плачевно: приезжает либо РУОП, либо МУР, и всех ее участников везут либо на Шаболовку, либо на Петровку. После продолжительной беседы и определенной «профилактики» членов группировки, если они, конечно, не находятся в федеральном розыске, отпускают. Но такое задержание на стрелке чревато и провокацией со стороны правоохранительных органов. Например, если какая-либо группировка исчерпала лимит терпения блюстителей порядка, то, по словам самих же боевиков, не исключается возможность, что в кармане окажется наркотик, оружие или патроны, подложенные оперативниками. Один авторитет, например, рассказывал, что для таких случаев у него припасены специальные пиджак или пальто с защитными наглухо карманами. В такой «спецодежде» он и отправлялся на встречу.

Оружие

В арсенале группировки есть почти все виды оружия, которыми располагает российская армия, включая так называемые элитные подразделения спецназа. В группировках часто можно встретить автоматы, на их корпус нанесен особый состав, на котором не остается отпечатков пальцев. Популярны скорострельные израильские «узи» и их чеченский аналог «борс», мощные помповые ружья и карабины производства США; австрийский полицейский пистолет «глок».

Основными пунктами, откуда приходит оружие, являются воинские подразделения и склады. «ТТ» китайского производства доставляют, в частности, из Латинской Америки. В последнее время в большом количестве оружие поступает из Молдавии и Чечни. В каждой бригаде за оружие отвечают так называемые оруженосцы. Они следят за техническим состоянием стволов, боевых комплектов, выступают экспертами при закупке и пристреливании новых приобретений. Многие авторитеты все реже возят с собой оружие, доверяя его оруженосцам.

Многие московские структуры раньше для отработки точных выстрелов использовали пустыри или леса. Необходимость в таких местах уже отпала. Многие стрельбища превратились в коммерческие заведения, и братва приезжает туда и пристреливает оружие. Разумеется, за деньги.

В последнее время в штат многих группировок, кроме оруженосцев, вошли так называемые пиротехники. В этой роли выступают бывшие кадры из засекреченных подразделений КГБ, МВД, ГРУ. Они применяют взрывные устройства для устрашения своих будущих жертв или устранения конкурентов. Взрывы профилактического характера приобретают все большую популярность, потому что эффект воздействия стопроцентный и никогда не остается никаких улик и отпечатков пальцев, а значит, и низок процент раскрываемости таких преступлений.

В ходу также примитивные диверсионные методы. К карданному валу машины подвешивается граната или какой-либо детонатор и подводится к системе зажигания. Иногда взрыв производится и по пейджеру: к нему прикрепляется детонатор, посылается сообщение, и происходит взрыв.

Братва научилась очень хитроумно провозить оружие в машинах, а в момент задержания милицией умело сбрасывать стволы, так что потом их практически никто не находит.

Бывали случаи, когда автомобили несколько дней находились в отделениях милиции и тщательно, но тщетно проверялись. После возвращения машины оружие изымали те, кто его там и упрятал.

Ксива

В последнее время у братвы стало модно иметь, помимо хорошего «Мерседеса» и мобильного телефона, соответствующее удостоверение помощника депутата, ксиву. Особенно популярной и весьма престижной была эта «корочка» в 1992—1993 годах. Ксива, полученная вполне легальным и законным способом, для некоторых авторитетов открывала большие возможности. Однако, если в 1992—1993 годах, предъявив такую «корочку» работнику милиции или ГАИ, криминальный авторитет обретал гарантию какой-то независимости, а сотрудник правоохранительных органов бессильно отдавал ему честь, то за последние пару лет ситуация стала резко меняться. «Корочки» помощника депутата воспринимаются уже как визитки, как неотъемлемая атрибутика представителя криминальной среды. Они больше не оказывают магического воздействия на блюстителей порядка. Мне часто приходится видеть такую картину: как только машина какого-либо криминального авторитета останавливается работником ГАИ или дежурным ОМОНа и авторитет предъявляет ему «корочку», то тут же у них срывается обратная реакция: а, помощник депутата? А, внешность партийная? Да еще короткая стрижка? Ну, значит, ты точно бандит, и, значит, есть оружие. И начинается шмон.

Ажиотаж на «корочки» помощника депутата постепенно спадает, но одновременно появляется мода на удостоверения, правда уже поддельные, работников правоохранительных органов, офицеров Российской Армии. Но любопытно, что, по материалам многих уголовных дел, такие удостоверения приобретены вполне законным способом. Вот и получается, что, например, Сергей Зимин, известный в криминальном мире как лидер коптевской группировки по кличке Зёма, имел удостоверение работника Софринского отдельного батальона милиции.

Как показывает практика, эти «корочки» еще не гарантия, что такой человек не может быть задержан. Свидетельством принадлежности к органам должно быть, скажем, и знание милицейского сленга, и наличие некоторых других признаков, которые важнее документа.

Глава четвертая Секретный клиент

Таинственная аура

Середина октября 1994 года ознаменовалась, пожалуй, самым громким делом в истории российского криминала. Тогда я еще не знал, что мой будущий клиент станет загадочной легендой криминального мира и не только распорядится жизнью определенной части уголовной элиты, но и расставит точки над «i» в карьере многих высокопоставленных милицейских чинов, да еще внесет изменения и в мою судьбу – судьбу адвоката.

В юридической консультации, где я работал, раздался звонок моего коллеги Павла П. Он предложил срочно встретиться и обговорить защиту одного громкого дела. Прошло уже столько времени, но я и сейчас задумываюсь, почему столь опытный и маститый адвокат, который не так хорошо меня знал, предложил дело именно мне? Может, потому, что мы с ним участвовали когда-то в одном из мафиозных процессов и сумели, используя ошибки следствия и прорехи процессуального характера, направить дело на доследование? А может, и почему-то еще. Но в любом случае, об основной причине я до сих пор так и не узнал.

Когда я приехал в консультацию на Таганке, где работал Павел, народу там практически уже не было. Только в холле сидела симпатичная женщина и, вероятно, ожидала своей очереди к юристу.

Я вошел в просторный кабинет адвоката. Мы поздоровались, и между нами завязался непринужденный разговор. Павел П. поинтересовался, сколько у меня сейчас дел в производстве, есть ли у меня клиенты в следственном изоляторе «Матросская тишина», какие вообще планы на жизнь. Я ответил, что в ближайшее время в отпуск не собираюсь, что клиентов у меня не более десяти человек и четверо-пятеро из них в «Матросской тишине».

Павел еще поинтересовался, как я отношусь к делам, связанным с убийствами. Надо сказать, что когда я впервые поступил в адвокатскую контору, то вначале старался не связываться с делами по убийствам и изнасилованиям, руководствуясь моральными принципами. Но, постепенно приобретая опыт, я понял, что не все, кто обвиняются по этим зловещим статьям, совершили именно изнасилование или убийство. Дела с изнасилованием я брать так и не стал, а вот делами по убийствам стал заниматься.

Я немало уяснил для себя. Иногда человеку предъявляется совершенно ложное обвинение, скажем, в случае, когда он просто попадает на месте преступления. Иногда обвиняемый сам берет вину на себя, чтобы выгородить кого-то другого. Так что защита обвиняемых в убийстве не так уж просто дается, как кажется вначале.

А не взялся бы я за дело, связанное с убийствами работников милиции, спросил меня Павел. Дело будет довольно громкое, но придется познакомиться с некоторыми его тонкостями и особенностями, в которые меня посвятит жена моего будущего клиента. Я дал предварительное согласие.

Павел вывел меня в коридор и познакомил с молодой симпатичной женщиной.

– Наташа, – представилась она.

Это была красивая брюнетка лет двадцати пяти-двадцати семи, смуглолицая, одетая в очень модную и дорогую норковую шубу. Взгляд у нее был печальный.

Мы поздоровались. Наступила пауза, мы смотрели друг на друга.

– Моего мужа, – сказала Наташа, – обвиняют в убийстве милиционера. Может быть, вы слышали о перестрелке на Петровско-Разумовском рынке в начале октября, примерно три недели назад?

Конечно же, я об этом слышал. Но только в средствах массовой информации пока не сообщалась фамилия преступника.

Наташа рассказала, что мужа после ранения доставили в институт Склифосовского для операции, а потом перевели в специальную больницу. Несколько дней назад его забрали оттуда в следственный изолятор «Матросская тишина».

– Если вы согласитесь взяться за дело моего мужа, то необходимо будет действовать с большой осторожностью.

– Что значит с осторожностью? – поинтересовался я.

– Потом узнаете, – ответила Наташа. – Кроме того, по условиям контракта, вы должны ходить к моему мужу каждый день в разное время. Все это, конечно, будет оплачено.

Наташа заинтриговала меня еще больше.

– Хорошо, – сказал я, – можно мне подумать до утра?

Она не возражала.

Из консультации я поехал не домой, а в городскую библиотеку. Взяв сразу несколько подшивок газет, я внимательно прочел все публикации о перестрелке 6 октября 1994 года на Петровско-Разумовском рынке. Теперь я знал фамилии и имена погибших милиционеров, что опасный преступник при задержании был тяжело ранен, что он совершил два побега из мест заключения.

Почему же я решил принять это дело к защите? Меня будто заставила какая-то таинственная сила. Шутка ли: убить сразу троих работников милиции – что и говорить, дело и впрямь очень громкое и интересное. И хотя оно сложное, опасное и рискованное, но мне тогда показалось, что я как-то сумею помочь моему клиенту.

На следующее утро мы вновь встретились с Наташей и поехали в мою консультацию, чтобы заключить соответствующий договор о правовой помощи и выписать ордер, который дает адвокатам право участвовать в следствии или на суде.

Наташа сказала мне, что в Московской городской прокуратуре по этому делу создана специальная бригада во главе с одним из начальников отдела.

– Я должна еще кое о чем вас предупредить, – сказала Наташа. – Вам, вероятно, об этом сообщат в прокуратуре. Помимо всего прочего, мой муж обвиняется и в убийстве лидеров уголовного мира. Поэтому я бы хотела, чтобы в условиях нашего контракта был записан специальный пункт о том, что вы никому из своих клиентов, особенно из братвы, не должны говорить, что защищаете моего мужа и где он сидит...

Ну что ж, дело, выходит, по всем статьям громкое, и клиента, оказывается, придется защищать не только в зале суда.

«Какого негодяя и подлеца вы защищаете!..»

Я ехал в городскую прокуратуру на Новокузнецкой. Специально решил не сообщать заранее следователю о своем визите. Мне-то хорошо знакомы приемчики следователей: работая с подозреваемым и стараясь выиграть какое-то время, они затягивают допуск адвоката к делу под самыми различными предлогами: то им некогда, то у них срочное совещание, то клиент заболел... Поэтому я и решил появиться в прокуратуре неожиданно.

Хотя я знал и фамилию, и номер кабинета следователя, но при пропускной системе в прокуратуре без его предварительного приглашения не смог бы проникнуть в здание. Поэтому я набрал номер знакомого мне следователя, с которым у нас были неплохие отношения. Не так давно я работал с ним по одному из уголовных дел, и оно в ближайшее время должно было быть направлено в суд. Так что он ничуть не удивился, что я напросился к нему на прием. Пробыв у него несколько минут, я вышел в коридор и поднялся на третий этаж.

Постучавшись в дверь следователя Уткина, я тут же вошел в кабинет. Кроме самого Уткина, за столом сидели еще двое: один из них смотрел телевизор, другой что-то писал.

Они не обратили на меня никакого внимания. Я решил представиться, а потом сказал:

– Я адвокат Александра Солоника.

Они моментально, будто сговорившись, обернулись и уставились на меня. В кабинете воцарилась тишина.

Наконец Уткин, смерив меня взглядом, спросил:

– А документы у вас есть?

– Конечно, есть, – ответил я и положил ему на стол адвокатское удостоверение и ордер, выписанный только что в юридической консультации.

Уткин долго и тщательно рассматривал мое удостоверение, а потом столь же внимательно изучил ордер. Он попросил меня выйти, чтобы проверить мои полномочия.

Я усмехнулся:

– Неужели вы думаете, что зная, насколько серьезна и компетентна ваша организация, я предъявлю вам фальшивый ордер или поддельное удостоверение?

– Я уверен, что вы этого не сделаете, но я должен все проверить.

Как я потом понял, целью была не проверка а, скорее всего, координация дальнейших действий в связи с моим неожиданным появлением.

Через несколько минут Уткин открыл дверь и пригласил меня войти. Те двое, как мне показалось, прикинулись, будто по-прежнему смотрят телевизор и пишут, а на самом деле с интересом поглядывали в мою сторону и прислушивались к нашему разговору.

– Можно узнать, кто вас нанял? Наташа? – спросил Уткин.

– Видите ли, моя задача – защищать клиента. В отличие от работников правоохранительных органов, я никогда не проверяю документы обращающихся ко мне родственников или знакомых моего подзащитного. Они вносят деньги в нашу консультацию и предлагают мне участвовать в защите близкого человека...

– Конечно, – согласился со мной Уткин. – Но что вы хотите от нас?

– Прежде всего я хочу взять у вас разрешение на встречу с моим клиентом, ознакомиться с первоначальными процессуальными документами, которые он подписал, и с предварительным обвинением.

Уткин посмотрел на человека, который сидел перед монитором. Я бросил взгляд на экран: на меня смотрел человек, лежащий на больничной койке под капельницей, весь в бинтах. Я догадался, что это и есть Солоник.

Еще раз взглянув на мое удостоверение, Уткин оказал:

– Валерий Михайлович, я хочу вас предупредить: вы приняли не совсем правильное решение. – Он тщательно подбирал слова и смотрел на человека перед монитором.

– А в чем неверно мое решение?

– Вы выбрали не того клиента.

– А как я могу определить, тот это клиент или не тот?

– Прежде всего, он обвиняется в убийстве, как вам, вероятно, хорошо известно, троих работников милиции.

– Это ваша версия, что он обвиняется в убийстве, – ответил я. – Но мы же знаем, что там был еще один человек. Ведь не исключено, что этих людей убил и не мой клиент, а кто-то другой.

– Да, возможно. Но учтите, что у вашего подзащитного есть еще и такие серьезные проблемы, которые могут негативно сказаться на вашей безопасности.

– Даже так? Вы, наверное, пытаетесь меня запугать?

– Нет, нет! – возразил Уткин. – Это не по нашей линии.

Он протянул мне две страницы процессуальных документов, а сам начал печатать разрешение на свидание с моим клиентом.

Итак, из обвинения и протокола задержания следовало, что Солоник, под именем Валерий Максимов, был задержан тремя работниками милиции (потом выяснилось, что это сотрудники специальной службы при ГУВД Москвы) – капитаном Игорем Нечаевым, лейтенантом Сергеем Ермаковым и Юрием Киселевым – для выяснения личности. Когда они появились в офисе рынка с целью проверки документов, то Солоник и его подельник Алексей Монин неожиданно вытащили пистолеты и начали стрелять, тяжело ранив троих вышеуказанных милиционеров и сотрудника охранного бюро «Бумеранг» Александра Заярского. Кроме того, они сумели ранить еще двоих сотрудников той же фирмы. Одному из преступников удалось скрыться в Ботаническом саду. Другого, Александра Солоника, настигла пуля, и его смогли задержать. У него был обнаружен девятимиллиметровый пистолет иностранного производства «глок». Вскоре пострадавшие вместе с Солоником были доставлены в институт Склифосовского. Здесь скончались Нечаев, раненный в голову, Ермаков, получивший пулю в живот, и сотрудник «Бумеранга».

Я молча отложил документы в сторону. Присутствующие внимательно следили за моей реакцией.

– Вот видите, товарищ адвокат, – прервал паузу Уткин, – какого негодяя и подлеца вы беретесь защищать! Как вы, вообще, можете его защищать?

Чуть помолчав, я сказал:

– Я понимаю тяжесть обвинения, предъявленного моему клиенту. Но дело в том, что моя функция оговорена в праве каждого на защиту, и меня направило государство. Да, я могу выйти из этого дела, но на мое место придет кто-нибудь другой. Ведь любому, кто подозревается в убийстве, по закону полагается защитник, и вы это знаете не хуже меня.

Уткин смутился, но тут же нашелся:

– А как же ваши моральные принципы? Вы же видите, что он убийца, но не отказываетесь от дела.

– Давайте разберемся, – ответил я, – может быть, он не столь опасен. Ведь он мог убить не всех троих. Это мог сделать и его напарник Алексей Монин или кто-то еще во время перестрелки.

Уткин протянул мне разрешение на визит в следственный изолятор, где находился Солоник. Я взял свое удостоверение, попрощался и вышел из кабинета. В коридоре меня догнал сидевший перед монитором человек и попросил задержаться.

– Я хочу вас предостеречь, – сказал он. – Для вас существует еще одна опасность.

– Какая опасность? – удивился я. – Вы хотите сказать, что работники милиции не простят убийства своих коллег?

– Я этого не отрицаю, – сказал мой собеседник, явно оперативник из МУРа. – И это может случиться. Но главная опасность в том, что ваш клиент сознался, под видеокамерой, на больничной койке, в том, что совершил заказные убийства очень серьезных людей из уголовного мира. Может, это убедит вас не вести дело? – И оперативник продолжил: – Вам о чем-нибудь говорят имена Валерия Длугача, Анатолия Семенова, Владислава Ваннера, Николая Причинина, Виктора Никифорова?

Имена, конечно же, о многом говорили. Валерий Длугач был вор в законе по кличке Глобус, главарь бауманской группировки, пользующийся колоссальным авторитетом в элите преступного мира. Анатолий Семенов, по кличке Рембо, соратник Длугача из той же группировки. Владислав Ваннер, по кличке Бобон, – продолжатель дела Глобуса. Виктор Никифоров – вор в законе по кличке Калина. Ходило очень много слухов о том, что Калина чуть ли не приемный сын самого Япончика – Вячеслава Иванькова. Николай Причинин – лидер ишимской группировки из Тюмени. Это были одни из серьезнейших людей уголовной элиты. Так что моему клиенту грозила большая опасность со стороны «кровников», да и для меня она была реальной.

– Кроме того, – добавил оперативник, – ваш клиент совершил два побега: один из зала суда, при провозглашении первого приговора, а другой – из колонии. Так что вы и сами понимаете, что ему грозит смертная казнь. Никто ему убийства трех милиционеров не простит. Поэтому вашему клиенту терять нечего, и он может решиться даже на то, что захватит кого-либо в заложники, и мне бы очень не хотелось, чтобы этим заложником оказались вы. Впрочем, все решать вам. Мы не собираемся на вас влиять. Но имейте в виду, что развалить это дело или направить его на следствие вам никто не позволит. Поэтому, пожалуйста, решайте сами: хотите работать с ним – работайте...

Первая встреча с Солоником

Из Московской прокуратуры я поехал в «Матросскую тишину» – СИЗО-1. Здесь во внутреннем специальном девятом корпусе и сидел Александр Солоник. Спецкорпус принадлежал некогда КГБ и по-прежнему отличался особой охраной и режимом и практически был тюрьмой в тюрьме. Всю дорогу до «Матросской тишины» я думал только о перспективе оказаться в заложниках. Перед моими глазами маячили телекадры, недавно показанные в криминальной хронике: уголовники в колонии берут в заложники медсестер, работников охраны, посетительниц комнат свиданий. Мое воображение сгущало краски, и я видел, как ОМОН или СОБР, вызванные для освобождения заложников, расстреливали не только похитителей, но и жертв. На душе было мутно и от мучивших меня сомнений: а что, если у моего клиента действительно нет никаких шансов? Нетрудно догадаться, что его ждут три приговора: суд, скорее всего, гарантирует ему смертную казнь; работники милиции уберут его прямо в следственном изоляторе (я знал, были такие случаи); наконец, его может не миновать и месть воров в законе и уголовных авторитетов.

Ничего обнадеживающего не приходило в голову, пока я ехал к следственному изолятору. Что за человек мой клиент, я пока не знал, но почему-то представлял его рослым детиной, коротко стриженным, со зловещим лицом, разрисованным татуировками, – такой и глазом не моргнет, схватит меня, приставит заточку или нож к горлу и будет держать в заложниках. Это видение назойливо маячило передо мной, и я даже притормозил у какого-то киоска и купил газовый баллончик. Мне не впервой было сталкиваться с обвиняемыми в убийстве, и в какой-то мере я привык к ним. Но на этот раз меня обуревали противоречивые и тревожные чувства. С таким вот настроением я и приехал в «Матросскую тишину».

На втором этаже я предъявил удостоверение и заполнил карточку вызова на двух моих новых клиентов: Рафика А. и Александра Солоника. Сотрудница изолятора молча взяла карточки и сверила их с записанными в картотеке данными. Красным карандашом она перечеркнула листок вызова Солоника, – это означало, что подследственный особо опасен и склонен к побегу – и тут же приписала ручкой: «Обязательно наручники!»

Час от часу не легче! Сотрудница изолятора спросила:

– Кого первого вызывать?

Как бы раздумывая, я ответил:

– Ну, давайте Рафика, а потом уже второго.

Я поднялся на четвертый этаж в указанный мне кабинет и стал ждать Рафика А. Я вызвал его первым, может быть, потому, что хотел оттянуть встречу с Александром Солоником, как-то успокоиться, подготовиться и настроиться на встрече с ним, освоиться с обстановкой.

Наконец Рафик А. вошел. Он принадлежал к какой-то бандитской группировке и обвинялся в убийстве другого бандита. Парень был не робкого десятка, лет тридцати – тридцати пяти. Злое лицо его вызывало ужас, отталкивало, а одного глаза у него вообще не было. Я заметил на его лице синяки.

Рафик А. вошел с палочкой, одетый в дорогой спортивный костюм и, молча кивнув мне, сразу же сел за стол. Он достал платок и что-то из него вытащил. Это был искусственный глаз.

– Что случилось? – спросил я у него.

– Да вот, вчера заехал в камеру и с ребятами чуть-чуть помахался. Они выбили мне глаз, сучары! Ну ничего, я с ними еще разберусь!

От увиденного легче мне не стало...

Позже, когда удалось выпустить Рафика под залог, я случайно встретил его в Центре международной торговли. Передо мной был спокойный, респектабельный, с шиком одетый

мужчина. Мне даже смешно стало: у страха действительно глаза велики, и тогда я просто здорово струсил.

Рафик вручил мне свое предварительное обвинение. Я стал внимательно читать. Гражданин Раф А. находился в вечернее время в одном из ресторанов на Тимирязевской улице после его закрытия. Поссорившись с гражданином С., оказавшимся при последующем опознании авторитетом одной из преступных группировок, он нанес тому три ножевых ранения, после чего гражданин С. через пять часов скончался в Боткинской больнице.

Не успел я дочитать обвинение, как Рафик неожиданно спросил меня:

– А вы давно Машку видели? Когда вы ее увидите?

– Может быть, сегодня увидимся.

– Было бы очень хорошо, это важно. – И, наклонившись ко мне, прошептал на ухо: – Обязательно скажите ей, пусть встретится с иваном⁵ и узнает: Труба вор или не вор? Пусть пришлет мне постановочную маляву⁶ с разъяснением. А то я не знаю, как себя вести.

В то время в «Матросской тишине» находился вор в законе Труба, однако обитатели «Матроски» как бы разделились во мнениях: одни признавали Трубу за вора, другие отрицали. Для Рафа было крайне важно это уточнить, потому что если он, по всем воровским криминальным «понятиям», принимает самозванца за вора, то совершает тем самым прокол.

– Обязательно свяжитесь с Машкой, – повторил Раф, – пусть узнает через ребят или на старшего выйдет, но только срочно.

Ну и дела, просто уму непостижимо: человек обвиняется в серьезном преступлении – в убийстве! – и думать бы ему о своем спасении, смягчении наказания, а он волнуется, вор Труба или не вор?

Немного успокоившись, я понял, что сейчас для Рафа важно, конечно, правильно себя преподнести, утвердиться среди сокамерников, а потом уже думать о своей реабилитации.

Дверь неожиданно открылась, и вошел конвоир с листком в руках. Я узнал свой почерк.

– Солоника на допрос вы вызывали? – обратился он ко мне.

Раф вопросительно посмотрел на меня. Я поправил конвоира:

– Не на допрос, а на беседу. Я адвокат.

– Ну да, на беседу, – поправился конвоир, взглянув еще раз на листок.

– Я.

– Так вот, вы должны сначала... Не положено двоих заключенных в одном кабинете держать, поэтому... Когда вы освободитесь?

– Да мы в принципе закончили, так что вводите. А этого можно забрать. – И я показал на Рафа.

Раф кивнул мне и еще раз повторил:

– Не забудьте, о чем я просил.

Дверь открылась, и в кабинет вошел мужчина в спортивном костюме и в наручниках. Я заметил, как у Рафа округлились глаза, когда он посмотрел на наручники: в «Матросской тишине» это очень редкое явление. Я расписался, и Рафа увели.

Конвоиры, которые ввели Солоника, усадили его на стул и ловким движением пристегнули его руку к металлической ножке стула. Я попытался протестовать:

– Снимите хотя бы наручники!

– Не положено! – И конвоиры вышли из кабинета.

Я стал разглядывать Александра Солоника: русоволосый, голубоглазый мужчина лет тридцати двух-тридцати трех, невысокий, крепкого телосложения. Он смотрел на меня и улыбался. Мы помолчали, и я немножко успокоился: хоть не громила, не зверское лицо, улыбается

⁵ Иван – старший (жарг.).

⁶ Малява – записка (жарг.).

– уже хорошо! Я вынул из кармана взятый накануне у Наташи брелок – в качестве условного знака – и положил его на стол. Солоник тут же кивнул и сказал:

– Я ждал вас завтра. – И тут же, взяв свободной рукой брелок, улыбнулся и спросил: – Ну как она там? Небось гоняет на машине?

Странно, откуда он знал, что я должен прийти завтра.

– Валерий Михайлович, ваш адвокат, – тем не менее представился я.

Он продолжал улыбаться, осматривая кабинет, и вдруг спросил:

– Как там, на воле-то? Как погода?

Быстро оглянувшись, он вытащил из кармана спортивных брюк шпильку и ловким движением расстегнул наручник.

Я оторопел. Солоник встал, разминая ноги, и двинулся в мою сторону. Ну вот, сейчас под видом того, что он хочет подойти к окну, резко обернется, схватит меня за горло, и готово: я – заложник. Руки у меня будто онемели, я медленно просунул левую руку в карман пиджака, где лежал газовый баллончик. Но Солоник, приблизившись, выглянул в окно, которое выходило в тюремный двор, посмотрел на небо: погода стояла ясная, и, пройдясь по кабинету, вновь сел за стол.

Я молчал.

– Вы в курсе, – сказал Солоник, – что вам необходимо ходить ко мне каждый день?

– Да, – ответил я, – меня об этом предупреждали. Но, честно говоря, я не вижу в этом никакой необходимости.

– Необходимость есть, – сказал Александр. – Дело в том, что моей жизни угрожает опасность, и я вынужден был разработать систему собственной безопасности. Так вот, ваши ежедневные визиты ко мне тоже частично ее гарантируют. По крайней мере, будете знать, жив ли я, здоров ли, не случилось ли со мной чего.

Александр, безусловно, не преувеличивал. Я понимал, что частые посещения адвоката могут повлиять на тех, кто задумал что-либо против него.

– К тому же, – сказал Солоник, – тут рядом сидит Мавроди, и к нему адвокат ходит каждый день и находится с ним с утра до вечера.

Прервав Солоника, я сказал, что у меня такой возможности нет, так как я работаю и с другими клиентами. Александр предложил:

– Освободитесь от них. Вам будут больше платить.

– Дело не в деньгах, – сказал я, – не могу я бросить людей, потому что решается их судьба.

– Это верно, – согласился Александр. – Хорошо, тогда приходите пока каждый день на какой-то промежуток времени. И еще. Если вы увидите Наташу, передайте ей, пожалуйста, что я написал заявление о предоставлении мне в камеру телевизора. Пусть купит нормальный, японский телевизор с небольшим экраном и обязательно с пультом. Об остальном я все ей написал.

«Так, значит, он как-то поддерживает с ней связь!» – быстро подумал я и спросил:

– А с кем ты сидишь?

– Я в одиночной камере. Вообще-то она рассчитана на четверых, там четыре шконки, но сижу я один. Так лучше, не жалуюсь. – И добавил улыбаясь: – Поэтому и составил список, что мне нужно принести: кофеварку, телевизор, холодильник. Пусть Наташа все подготовит.

– Может быть, принести что-нибудь из еды? – спросил я.

– Нет, ничего не нужно. Я здесь нормально питаюсь.

– В каком смысле нормально? Тюремной пищей, что ли?

– Нет. К тюремной пище я вообще не притрагиваюсь. Мне доставляют продукты другим путем, с этим проблем нет, только холодильник нужен.

– Не волнуйся, я все передам, – сказал я.

– Тогда, пожалуй, все. До завтра.

- Хорошо, завтра опять встретимся.
- В какое примерно время вас ждать?
- Сюда очень трудно проходить, поскольку большая очередь из адвокатов и следователей.

Мне надо будет наладить определенную систему моих визитов.

Я вызвал конвоиров, расписался в листке, и Александра увели.

Солоник говорил...

Через несколько минут я покинул следственный изолятор «Матросская тишина» и, выйдя за порог, с облегчением вздохнул. Итак, страх неизвестности миновал, но какой-то опасности я все еще был подвержен.

Я завел мотор и отъехал, но, когда повернул было в переулок, меня догнал темно-зеленый джип «Гранд-Чероки». Окно открылось, и я увидел за рулем Наташу, которая делала мне знаки остановиться.

Я затормозил. Наташа тоже заглушила мотор, вышла на улицу и обратилась ко мне:

– Ну как, вы его видели?

– Конечно, видел.

– Как он вам?

– Все нормально. – Я старался приободрить ее и вкратце рассказал о своих впечатлениях. – Еще он просил передать вам про телевизор...

– Я знаю, знаю. Он список прислал.

У меня опять возник вопрос: «Каким образом между ними осуществляется связь?»

– Когда вы собираетесь к нему снова? – спросила Наташа.

– Завтра.

– В какое время?

– Я еще не знаю. Это очень трудно рассчитать. В каждом изоляторе доступ для следователей и адвокатов открывается в девять утра. Но на самом деле все они приезжают к шести-семи часам и заранее записываются в очередь, потому что в каждом изоляторе ограниченное количество кабинетов, а посетителей гораздо больше. Поэтому кто раньше приехал, у того не будет проблем со свиданием. Мне нужно будет прикинуть, как встречаться с ним каждый день и причем пораньше, то есть в первой или во второй группе, чтобы не стоять в этой очереди полдня.

Вскоре я наладил систему посещений в следственный изолятор в первой группе. Как я это делал – мой секрет, и раскрывать его я не могу. Ежедневно в девять утра, кроме выходных, я уже был в кабинете и вызывал Солоника для очередной беседы.

Солоника приводили трое конвоиров, посменно менявшие друг друга. Было заметно, что они относятся к Александру сочувственно и с уважением, как к значительной фигуре. А значимость и авторитет того или иного подозреваемого в следственном изоляторе обычно складывались из многих понятий: какую он занимает камеру, то есть принадлежит ли она к так называемому элитному спецблоку; как оборудована, то есть имеется ли в ней телевизор, электробытовые приборы и прочее; по какой статье он сидит и одет ли в дорогой спортивный костюм с кроссовками; и самое главное – как часто к нему ходит адвокат, то есть насколько клиент богатый и солидный.

Солоник отвечал работникам СИЗО взаимностью. Как он мне потом рассказывал, был с ними приветлив, выполнял их требования, никогда не нарушал правил внутреннего распорядка. Поэтому почти за девять месяцев пребывания в СИЗО к нему не применялись никакие меры воздействия, чего нельзя сказать о других обитателях «Матросской тишины».

Мы как-то привыкли друг к другу, но пока во время наших разговоров не касались темы подготовки дела, поскольку еще не было результатов главной экспертизы, ни баллистической, ни криминалистической.

Солоник был настроен оптимистически. По крайней мере, в начале своего пребывания в изоляторе он успокоился, был доволен, что никто его не беспокоит и не приходится напрягаться. Мы часто обсуждали с ним какой-нибудь новый кинофильм, криминальные новости, о которых он узнавал из телепередач или газет, которые получал. Солоник рассказывал, что был

знаком со многими из представителей криминального мира. Почтительно отзывался о Сергее Ломакине из Подольска, он же Лучок, был в хороших отношениях с покойным Сергеем Тимофеевым (Сильвестром) и с большим уважением относился к уголовному авторитету Строгинскому (Стрижу).

Я специально избегал разговоров о заказных убийствах вообще, а тем более о тех людях, в смерти которых его обвиняли. Однако иногда невольно как-то касались больной и щепетильной темы. У меня сложилось впечатление, что Солоник был посвящен в детали некоторых убийств. Однозначно трудно сказать, как он относился к заказным убийствам, то есть что им руководило: деньги, месть или что-то еще? Скорее всего, он был участником какой-то, возможно, акции, выйти из которой добровольно не мог. Но ненависти или злости к жертвам я в нем не почувствовал. Пожалуй, Солоник просто выполнял... работу. Да, необычную работу: он распоряжался жизнью и судьбой других людей. Как можно привыкнуть к ней и выполнять ее, для меня так и осталось загадкой.

Однажды мы обсуждали интересный боевик, показанный по телевидению. Тогда-то Солоник и сказал, что мог бы снять про себя боевик и покруче или книгу написать. Я с усмешкой спросил:

– А что тебе мешает? Давай, я договорюсь с режиссерами, с редакторами, опубликуем твою книгу.

Солоник всерьез увлекся собственной идеей. Через несколько дней я поинтересовался:

– Как идут дела на литературном поприще, пишется?

– Конечно, написать можно, но, к сожалению, не при моей жизни. Иначе мне после этого жить не придется. Если что-то и напишу, то издать можно будет только после моей смерти.

Разговор этот я сразу вспомнил после телефонного звонка из Греции накануне смерти Солоника и еще раз уже после известия о ней.

Солоник вел активную переписку со многими обитателями соседних камер, то есть переправлял малявы из одной камеры в другую. Он даже списался с авторитетным вором в законе Якутёнком, который сидел в камере над ним. Впоследствии он говорил мне, что переправлял через Якутёнка суммы в общак.

К чему Солоник был особенно не равнодушен, так это к оружию. Бывало, он просматривал какой-либо журнал, который я ему приносил, и подолгу разглядывал рекламируемые пистолеты, а потом высказывал свое мнение. У него, бесспорно, были блестящие познания в этой области.

Он заводил разговор и о том, в каком лагере ему придется отбывать срок. Солоника вначале не покидала уверенность, что он не получит «вышку». В те дни Россию должны были принять в Совет Европы, а одним из условий этой процедуры была отмена смертной казни. По мнению Солоника, его должны были бы отправить в «Белый Лебедь» – знаменитую тюрьму строгого режима для особо опасных преступников-рецидивистов.

Общался Солоник как обычно, находился в приподнятом настроении, держался ровно, с лица у него не сходила улыбка, и ничто не предвещало ни срывов, ни перелома в его поведении. Но наступил день, когда размеренная жизнь и душевное равновесие Александра были нарушены.

Живая мишень

Гром среди ясного неба раздался, когда 10 января 1995 года в газете «Известия» появилась статья Алексея Тарасова «Наемный убийца. Штрихи к портрету легендарного киллера». Спустя месяц «Куранты» опубликовали вторую статью – «Курганский Рембо» Николая Модестова. Это были «черные» статьи.

В тот день, 10 января, мне позвонила Наташа и попросила о встрече. Через несколько часов она с заплаканным, бледным лицом протягивала мне газету.

– Посмотрите, что они сделали! – сказала она.

Я взял «Известия» и прочел. В статье впервые приводилась фамилия Солоника, его называли киллером, устранившим Глобуса, Рембо, Бобона, Калину... – все перечислены поименно.

– Как быть?! – спросила Наташа. – Ему ни в коем случае нельзя показывать эту газету!

– Хорошо, не будем, – согласился я. – Никто об этом не знает.

Под вечер она вновь позвонила.

– Я подумала, все-таки надо показать ему газету. Пусть знает о реальном положении вещей, пусть знает, какая складывается вокруг него обстановка.

Что ж, возможно, правоохранительные органы решили загребать жар чужими руками: публикация выносила смертный приговор Солонику, а исполнителем, ясное дело, должна была стать братва.

Нелегкую миссию мне предстояло выполнить: показать Александру статью. Тот день я запомнил надолго.

Утром, как ни в чем не бывало, я пришел в следственный изолятор, вызвал Солоника и стал его ждать, обдумывая, как лучше начать разговор.

Конвоиры ввели Солоника, опять пристегнули наручник к стулу. Через некоторое время Солоник, как всегда, свободно снял наручники и спросил, почему я такой невеселый, что случилось.

Я протянул ему газету. Он быстро прочел статью, и тут произошла вспышка. Он возбужденно стал ходить по кабинету из угла в угол и кричать:

– Как же так?! Почему они это написали? Они же ничего про меня не знают! Почему они ко мне не пришли? Почему называют меня подонком? Почему я для них преступник, когда суда еще не было? Ничего еще не доказано, а они уже объявили меня преступником!

Он был, конечно, прав. Нельзя публиковать такие статьи о человеке, чья судьба только решается. Не исключено, что подобный материал негативно повлияет в будущем на мнение судей и народных заседателей. Я постарался успокоить Солоника, дескать, как-то надо обыграть статью, использовать...

– Да что использовать! Эх, был бы я на свободе!.. – в сердцах сказал он, что-то недоговорив: наверняка он имел в виду, что автору статьи не поздоровилось бы, будь он на воле.

Никогда еще я не видел Солоника таким возбужденным и озлобленным.

После выхода статьи Модестова он по-прежнему негодовал и протестовал, но, к сожалению, сделать ничего не мог. Солоник прекрасно понимал, что после этой публикации, возможно, начнется какая-то тюремная интрига. Понимал и то, что всю политику в следственных изоляторах держат либо воры в законе, либо смотрящие – лица наиболее авторитетные в уголовной среде, назначенные теми же ворами в законе. Поэтому необходимо было как-то уяснить их отношение к опубликованной информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.